Наталья Калинина
Станция
похищенных душ

Наталья Дмитриевна Калинина
Станция похищенных душ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23582905
Станция похищенных душ: Э;
ISBN 978-5-699-95811-5

Аннотация

Заброшенная железнодорожная станция по праву пользуется дурной славой. Там пропадают люди и появляются призрачные поезда. Ева уже сталкивалась с необъяснимым, когда много лет назад на станции исчез парень из их компании, и его до сих пор не нашли. Но теперь дело коснулось семьи девушки – следы ее младшей сестры ведут как раз к проклятому месту и теряются там. Поиски осложняются тем, что кто-то угрожает самой Еве, а еще на ее пути оказывается человек из прошлого – тот, кого она когда-то безответно любила…

Содержание

1	4
2	29
3	56
4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Наталья Калинина
Станция похищенных душ

С любовью и благодарностью
Екатерине Неволиной и Юлии Набоковой,
Моим наставницам и спутницам
В творческом пути.

1

Тина пропала почти две недели назад, шестого августа. Ева запомнила тот день, расколовший на два обломка монолитную глыбу ее обыденной жизни со скудными вкраплениями полудрагоценных радостей, в мельчайших подробностях. Вернее, подробности стали вспоминаться позже. Они выплывали из тумана горя и тревоги, как айсберги, и замыкали Еву в ледяной плен, обрекая ее мысленно бродить по закольцованной траектории того дня от утра до вечера, бросаясь от одного воспоминания к другому в тщетных попытках нащупать маломальский след.

Та суббота, которая обернулась катастрофой, планировалась сестрами как долгожданный праздник. Ева получила премию, и поэтому решено было съездить в торговый центр, который местные жители прозвали неофициально «Шайбой» за форму здания и расположенные по кругу магази-

ны. Они собирались купить Тине что-нибудь из обновок, а Еве – удобные босоножки, затем пообедать в кафе и сходить в кино. Накануне сестры весело и шумно спорили, выбирая фильм: Еве хотелось посмотреть романтичную комедию, а бесстрашной Тине – ужастик, но, чтобы никому не было обидно, остановились на американском блокбастере. Затем Ева отправила младшую сестру спать пораньше, та для проформы повредничала, но послушалась. Однако наутро Тина казалась вялой и невыспавшейся, с темными кругами под глазами. И Ева решила, что девушка вопреки наказам старшей сестры и как нередко случалось читала в постели. Еще Еве показалось, что Тина была будто чем-то встревожена: мобильный телефон она положила рядом на стол и то и дело косилась на него, на вопросы старшей сестры отвечала рассеянно и так, будто желала от той отвязаться. Было похоже, что предстоящая прогулка уже не вызывала у Тины прежнего энтузиазма. Ева собиралась спросить прямо, что случилось, но в этот момент на плите убежал кофе. Она отвернулась, чтобы снять с огня турку и вытереть темную лужицу. А когда повернулась, увидела, что сестра сидит, уткнувшись в телефон.

– Ты кофе с молоком будешь?

– А? – растерянно отозвалась Тина, не отрывая взгляда от экрана. Ева повторила вопрос, но сестра не ответила, быстро сунула телефон в карман джинсов и вдруг вскочила из-за стола.

– Ев, мне нужно выйти.

– Куда?!

– Скоро вернусь, – махнула рукой девушка и почти выбежала из квартиры, не забыв, однако, схватить с зеркального трельяжа в коридоре джинсовый рюкзачок.

Она не вернулась ни через пять минут, ни через час. Мобильный Тины вначале не отвечал, а потом и вовсе оказался вне зоны доступа. К обеду Ева от беспокойства уже ходила по стенам, вечером достала городской справочник и принялась обзванивать все больницы и контакты друзей сестры, которых знала. Утром отправилась в местное отделение полиции, а вернувшись домой, вошла в Интернет и составила сообщение о пропаже девушки. Поисками пятнадцатилетней Тины занимались не только официальные органы, но и волонтеры, которые объединялись в группы, прочесывали ближайшие лесопосадки, расклеивали объявления, создавали в социальных сетях группы и сообщества, информировали Еву о каждом своем шаге. Только ни официальные лица, ни добровольные помощники пока так и не могли выстроить более-менее ясную картину.

В исчезновении Тины было много чего странного. И эти странности вылезали не сразу, как петли из плохо связанного свитера, а постепенно, по мере того, как вопросы крючком поддевали вязаную зыбь тех дней. Только вот за какую бы нить Ева ни тянула, распутать клубок не получалось. Девоч-

ку видела соседка-собачница, которая выгуливала во дворе престарелого ризеншнауцера Тобби. Тина выбежала из подъезда, на ходу надевая лямки рюкзака, пролетела мимо соседки, не поздоровавшись и не остановившись, чтобы погладить Тобби по седеющему загривку, как обычно делала при встрече, и бегом направилась в сторону автобусной остановки. Затем девочку заметили возле ресторана «Млечный путь». Там она сделала пересадку на пятый маршрут, который шел за город, вышла на предпоследней остановке и направилась в сторону посадки. Волонтеры прочесали лесок вдоль и поперек, но не нашли никаких следов нахождения пропавшей девочки. Ева тем временем беседовала с одноклассниками и друзьями сестры. И эти разговоры принесли ей не столько пользы, сколько неожиданных открытий. Во-первых, от близкой подруги Нади Ева узнала, что девочки поссорились еще перед школьными экзаменами и с тех пор даже не разговаривали. Сказать, что она была удивлена, значит, ничего не сказать: Тина ни словом, ни настроением не выдала того, что разругалась с близкой подругой, с которой дружила со второго класса. Да и вспомнилось, что в последнее время младшая сестра, куда-то собираясь, на вопросы Евы, куда она идет, отвечала, что к Наде. К кому же тогда уходила Тина, с кем виделась и где проводила время? Но Надя не дала ответов, как и не смогла внятно объяснить причину ссоры с Тиной. «Так, уже не помню. Из-за какой-то ерунды». Во-вторых, Ева узнала, что у ее тихони сестры, оказы-

вается, был молодой человек. Некий Макар из 11-«Б». Ева нашла адрес парня, но выяснилось, что тот уехал в столицу сдавать вступительные экзамены. Давать номер телефона Еве мать Макара отказалась, сказав, что разговаривать будет только с полицией – если той понадобится.

Следователь, который вел дело о пропаже Тины, в один из черных и тревожных дней, вымаранных тоской, словно мазутом, сообщил Еве, что пришла из телефонной компании запрошенная распечатка звонков девочки. Выяснилось, что ни в день исчезновения, ни накануне Тине никто не звонил. Более того, в истории контактов за последний месяц не оказалось ничего подозрительно: ни исходящих звонков и сообщений незнакомым адресатам, ни принятых вызовов с неизвестных номеров. Значит, сделала вывод Ева, Тине в то роковое утро прислали личное сообщение на ее страницу. Сосед-студент, компьютерный гений, подобрал пароль к странице Тины. И Ева получила доступ к личной переписке сестры. Однако и тут ее ожидало разочарование: Тина то ли не имела привычки сохранять разговоры в чате, то ли удалила почти все перед своим исчезновением. Только одно сообщение сохранилось, но оказалось именно тем, которое и искала Ева: время отправки соответствовало тому, в какое Тина получила сигнал, заставивший ее покинуть дом.

> «06.08. 11:11
> Следуй за красными башмачками на СтСт»

Правда, расшифровать сообщение удалось не полностью.

Ева поняла, что сестре назначили дату и время. Примерно за час до предполагаемой встречи Тина и выбежала из дома. Но что означала аббревиатура СтСт и загадочная фраза про башмачки? Сообщение было отправлено с пустой страницы, заведенной словно для того, чтобы с нее написать девушке. Даже аватарку не установили, а имя пользователя значилось как «Кассир». Ева тут же отправила следователю скриншот сообщения и ссылку на загадочную страницу. Но когда она позже решила зайти в профайл Кассира, аккаунт оказался удален.

А два дня спустя позвонил следователь и сообщил, что возле местного озера, в противоположной стороне от лесопосадки, возле которой в последний раз видели Тину, нашли вещи девочки: одежду, в которую она была одета в день пропажи, ее рюкзачок с косметичкой и паспортом. Рюкзак обнаружили в зарослях кустарника, тогда как толстовку и джинсы выловили из воды. Ева взяла такси и приехала к озеру, возле которого уже собрались профессиональные водолазы и полиция. Волонтеров, которые тоже находились здесь, держали за огораживающей участок лентой и к воде не подпускали. Ева пожалела о том, что не попросила никого ее сопроводить, потому что едва она увидела перетаптывающихся в скорбном молчании людей, почувствовала, как ее ноги обмякли, словно у тряпичной куклы. Она бы упала, если бы ее неожиданно не подхватил под локоть рыжий бородач со спокойным взглядом деревенского батюшки – руководитель

поискового отряда из волонтеров. Молодой мужчина молча и осторожно повел Еву к ленте. «Сестра», – кратко сказал он первому встретившемуся на пути человеку. Это слово шепотом передали дальше, толпа всколыхнулась и стала расступаться перед ними, словно некто раздернул гигантскую «молнию». «Василий», – вспомнилось Еве имя рыжего, когда толпа с тихим рокотом перешептываний снова сомкнулась за их спинами, лишая возможности отступить.

– Василий?.. – обратилась она к мужчине, но так и не смогла договорить фразу до конца.

– Пока никого не нашли, – правильно понял он ее вопрос. И у Евы отлегло от сердца.

– Она жива, моя Тина, жива, – прошептала она доверительно рыжему. Но тот словно не разделял ее надежды, лишь неопределенно качнул головой и подвел Еву к полицейскому.

Ни других вещей девочки, ни ее тела в озере в тот день так и не нашли. А сегодня Ева получила на почту ссылку на известный ресурс. На видео, загруженное этим утром, была Тина. Некто снял ее на фоне кирпичной стены, освещенной тусклым светом ближайшего фонаря. Само видео длилось шестнадцать секунд, было темным, черно-белым и без звука, изображение прыгало, словно тот, кто держал в руках камеру или телефон, нервничал, торопился и совершенно не заботился о качестве. Тина что-то говорила. Губы ее шевелились, а глаза смотрели прямо, словно тоже пытались пере-

дать старшей сестре сообщение. За эти шестнадцать секунд Тина ни разу не моргнула. Ева вглядывалась в темное изображение, пытаясь понять, что младшая сестренка хотела ей сказать, но губы девочки шевелились так быстро, что прочитать по ним что-либо было невозможно. В конце видео Тина резко оглядывалась, словно ее встревожил внезапный шум, ее личико искажалось от страха, а затем изображение обрывалось.

Ева гоняла туда-сюда видео, пытаясь выцепить и сложить в более-менее понятную картину все детали. Исследовала за спиной Тины кирпичную кладку в желании догадаться, где эта стена могла находиться. Рассматривала незнакомую ветровку на девочке явно не ее размера и тешила себя счастливой мыслью, что видео сняли уже после того, как возле озера нашли одежду и рюкзак. Она хотела понять, что могло напугать младшую сестренку. И радость сменялась паническим страхом. Что с Тиной стало? Успела ли она спастись от того, что, возможно, ей угрожало? И вновь, как на качелях, взлетала в поднебесье радости: раз Еве показали это видео, значит, Тина спаслась. В конце концов, устав гадать, девушка отправила ссылку на видео следователю. И уже после этого ее осенила идея найти кого-то, кто бы мог прочитать сообщение Тины по губам. Ева перелопатила Интернет, пытаясь выйти на такого человека. Но когда наконец-то смогла найти, кому написать, увидела, что видео удалили. Как и ту страницу неведомого Кассира. От досады и огорчения, что

не успела скачать видео себе, Ева стукнула кулаком по столу. Ей оставалось лишь надеяться на то, что специалисты в полиции смогут восстановить его.

****

В первый момент, вытащив из конверта из тонкой бумаги белоснежную открытку-раскладушку, на которой витиеватыми буквами золотилась надпись «Приглашение», Иван подумал, что его зовут на свадьбу и принялся прикидывать, кто из холостых приятелей мог бы сочетаться браком. Леонид был сторонником не моногамной, а полигамной жизни без обязательств. Вряд ли кому-то из случайных подружек удалось очаровать прожженного ловеласа настолько, чтобы тот изменил себе и своим принципам. Другой приятель, Макс, напротив, романы заводить не торопился, потому что еще не остыли угли от его сожженного до развода брака. Ну а другие приятели все были женаты. Оставалась только бывшая жена, которая вполне могла выкинуть такой финт – прислать ему приглашение на свадьбу. Эльза не преминула поставить Ивана в известность сразу же, как у нее закрутился роман с каким-то патлатым музыкантом. Видимо, надеялась разбудить в Иване ревность и сожаления. Только ему было все равно, встречается ли с кем-то его бывшая и собирается ли вновь замуж. Все чувства к Эльзе Селиной, в девичестве Елизавете Сидоркиной, сгорели еще раньше, в кострах их утомитель-

ных и опустошающих ссор, дотла, без шансов на реинкарнацию. Иван без всякого интереса открыл приглашение и увидел, что ошибся в своих предположениях дважды. Во-первых, открытку ему прислала не Эльза. А, во-вторых, это было приглашение не на свадьбу, а на ужин.

Уважаемый Иван Сергеевич!
Приглашаю Вас на торжественный ужин,
посвященный Воскрешению Воспоминаний.
Мероприятие состоится 18 августа в 22–00.
С надеждой на встречу
Виктор Пономарев

Далее шел адрес, который Ивану ни о чем не говорил. А вот имя человека, прислашего конверт, показалось знакомым. Оно не кольнуло сразу острыми воспоминаниями и не пробудило в памяти четких картин. Лишь вызвало поначалу чувство тревоги, еле уловимой, как еще не развеянные в воздухе флюиды чьих-то духов, которые вдруг вызывают ассоциацию со строгой учительницей, влепившей несправедливую «двойку», или бросившей тебя в пубертатном возрасте первой девушкой. А затем буквы, складывающиеся в смутно знакомое имя, будто на мгновение воспламенились, и Ивана обожгло этой вспышкой. Пономарев Витя. Перед глазами встал образ худощавого лопоухого мальчишки пятнадцати лет с ссутуленными плечами и затравленным взглядом. Витька Пономарь – так звали его в областном городке, в котором родился и вырос Иван. Поздний сын сторожихи в дет-

ском саду. Близкой дружбы с ним никто не водил, потому что Витька был скучным, молчаливым и забитым – не матерью, а теми нищими условиями, в которых он рос, словно квелый стебелек сорного растения на клумбе. Он и к компании, в которой верховодили Иван и его близкий друг Володька, приткнулся с тем же затравленным ожиданием в прозрачно-светлых глазах, что его вот-вот выдернут из почвы и отшвырнут, как сорную траву. Но его не гнали. Не гнали, потому что не чувствовали в Пономареве конкуренции. Парнишка как парнишка, молчаливый, робкий, без особых задатков, середнячок. В знак благодарности за то, что ему позволили остаться, он нередко приносил в компанию детсадовские плюшки, которые оставляли его матери поварихи. И выполнял поручения вроде «принеси-подай-разведай» лучше всякой мелюзги, которая иногда прибивалась рыбками-подлипалами к стайке местных шестнадцатилетних акулят.

С именем Вити Пономарева была связана темная история. Случилась она пятнадцать лет назад, но начало ее было положено раньше, в тот день, когда они познакомились с Долговязым.

С появлением Бориса по прозвищу Долговязый времяпровождение четырнадцати-шестнадцатилетних пацанов (которое чаще всего заключалось в бесцельном блуждании по вечерним улицам города, распитию подпольно купленного в палатке пива в подъездах, курении дешевых сигарет и иногда перемежалось скучными драками с пацанами из дру-

гого «клана») кардинально изменилось. «Пфу… Это же не клево!» – вспомнилась сейчас Ивану фраза, с которой и началось знакомство со старшим другом.

2000–2001 года

В тот промозглый осенний Иван с Володей и еще парой пацанов, одним из которых был Витька Пономарь, грелись в подъезде чужой девятиэтажки, смолили единственную на четверых сигарету и лениво перебрасывались фразами. Им было скучно. На улице хлестал дождь, они промочили ботинки, промерзли и на самом деле хотели разойтись по домам, но никто из их четверки не решался первым озвучить разумное желание. Иван как раз затушил о подоконник окурок, когда хлопнула подъездная дверь, и кто-то, пришаркивая, стал подниматься по лестнице. Чуть позже перед ними появился молодой мужчина в широкой, но короткой ему болоньевой куртке, словно он из нее внезапно вырос, но набрать веса так и не успел. Мужчина, который на самом деле оказался парнем ненамного старше Ивана, остановился и с улыбкой произнес:

– Здорово, пацаны!

– Ну, здорово, – лениво откликнулся Иван, тогда как остальные промолчали и лишь смерили нарушившего их уединение жителя хмурыми взглядами.

– Курим? – все так же улыбаясь, парень проводил взглядом бычок, который Иван выстрелил в приоткрытую фор-

точку.

– Сигарет больше нет, – поспешно отозвался Вовка, решив, что парень попросит закурить.

– Я не курю. Пфу… Это же не клево! – отозвался тот и сунул кулаки в глубокие карманы куртки.

– Нотацию будешь читать? О вреде курения? Нам неинтересно, – набычился Иван и сплюнул себе под ноги.

– Не буду. Тоже не клево. И плевать в подъезде…

– Совсем не клево! – подхватил Иван, закипая. – Слушай, чего пристал? Мы тебя не звали. Проваливай!

Остальные пацаны встрепенулись, скука с них облупилась, как непрочная старая эмаль, явив жажду поразвлечься. Ноздри всех четверых затрепетали, как у молодых волчат, почувствовавших запах крови. Дайте, дайте им вцепиться острыми зубками в теплое тело жертвы, поддеть на клыки мягкую плоть, утолить жажду горячей, одуряюще пахнущей кровью! Иван непроизвольно, предчувствуя развлечение и ощущая, как в его собственной крови закипает адреналин, сжал кулаки. Сейчас этот несуразный длинный тип, похожий в своей куртке-хламиде на колобка на тонких ножках, начнет их учить жизни – о том, как «не клево» пачкать в чужом подъезде. Но еще не успеет и фразу произнести до конца, как получит в тонкий длинный нос, такой же несуразный, как и весь он сам, первый удар. Ивана даже не смущало то, что бой выйдет неровный, и не только потому, что шансы у этого долговязого против них четверых равны нулю, но еще

и потому, что любой из их компании, даже самый младший и тщедушный Пономарь, комплекцией превосходил незнакомца.

– Скучно вам, пацаны, – не спросил, а вдруг произнес долговязый. Но не с издевкой или сочувствием, которое лишь больше завело бы парней, а с неожиданным пониманием. И вдруг предложил:

– А пошли ко мне! Чего вам по подъездам шаркаться?

– И что мы у тебя забыли? – спросил Иван, обескураженный таким поворотом. И не потому, что, как учила в детстве мама, уходить с незнакомцами опасно, а удивившись беспечности долговязого. Приглашать к себе домой группку незнакомых пацанов, которые от скуки вот-вот готовы наброситься на тебя – не самое разумное решение.

– А я расскажу, что забыли, – усмехнулся по-взрослому парень. – Лекарство от скуки! Ну, так что, идем?

Он достал из кармана ключи и подкинул их на ладони. Иван успел заметить, что в связке было всего два ключа. Недавно в их городке случилась история, когда один молодой мужчина, вот так прикинувшись добрым дядей, попечалился двум мальчишкам о потерянных ключах и попросил тех влезть через форточку в «его» квартиру на первом этаже и открыть дверь. И даже в благодарность дал пацанам по шоколадке. А потом, конечно, выяснилось, что был это домушник. Мама, узнав о той истории, прочитала целую лекцию на тему, как опасно поддаваться на просьбы и уговоры незна-

комцев. Иван еще рассердился на мать: будто он маленький и сам не знает, как себя вести.

– Слышь, а это точно твоя квартира? – видимо, вспомнив ту же историю, спросил Володя. – А то, знаешь ли…

– Да моя, моя! – засмеялся долговязый. – Я с отцом живу. Он позже придет.

– А чего это ты нас приглашаешь? Может, мы тебя изобьем, а квартиру обчистим? – сощурился Иван.

– Не получится, – хитро усмехнулся долговязый. – Сейчас поймете, почему. Ну, айда?

И он, не оглядываясь, стал подниматься по лестнице, словно уверенный в том, что пацаны последуют за ним. Четверка переглянулась между собой и, пожав плечами, гуськом потянулась за странным парнем. Едва на площадку четвертого этажа поднялся последний в их цепочке, как одна из дверей со скрипом приоткрылась, и в проеме показалось сморщенное старушечье лицо в обрамлении седой пакли растрепанных волос.

– Ты, што ль?

– Я, я, баба Поля.

Бабка высунулась в проем уже до плеч, повела носом совсем по-звериному, словно что-то вынюхивала, и вдруг вперила пронизывающий, как рентгеновский луч взгляд в Ивана.

– А это хто с тобой? – спросила она у долговязого, держа Ивана под прицелом черных маленьких глазок.

– А это мои друзья, баба Поля, – дружелюбно отозвался парень. – Позвал их на чай. Дождь на улице, они промерзли и промокли.

– Больно уж молоды друзья твои… И давно ты их знаешь? – продолжала допрашивать парня бабка. Из дверей она уже вылезла по пояс, и Иван подумал, что если соседка выйдет полностью, избавиться от нее, приставучей, как репей, будет не так просто. Он уже понял, что имел в виду долговязый, когда усмехнулся в ответ на его провокацию: такая бабка получше всяких скрытых видеокамер будет. Все приметит, что не приметит – о том допросит, а потом донесет. Но долговязому как-то удалось и усыпить подозрительность соседки, и удовлетворить ее любопытство. Он что-то сказал, после чего бабка покачала косматой головой и пробурчала:

– Ну, смотрите. И чтобы без шума! Будет шум, я тут же вызову милицию! И энто… Твой отец када придет?

– Через полтора часа, баба Поля. Если не будет ничего срочного.

– Скажи ему, что у меня давление опять скакет, будь оно неладное.

– Хорошо, я попрошу его зайти к вам, – сказал парень и открыл дверь. Пацаны, воинственность которых сменилась смущением, переступили порог и в растерянности замерли в коридоре. Что ожидать от этого приглашения они не знали. А хозяин уже суетился в каком-то веселом предвкушении, будто визит ребят обещал принести ему нечто особо радост-

ное и давно ожидаемое. Сейчас, без куртки, он показался еще истощенней, чем в первый момент. Все его тело словно было сложено из тонких стержней, скрепленных шарнирами, а голова, напротив, казалась по сравнению с тщедушным телом непомерно большой. Лицо у парня тоже было некрасивым: с широким лбом, выпуклыми светлыми глазами и длинным тонкогубым ртом. И все же было в нем какое-то странное обаяние, которое зажигалось не сразу, а разгоралось постепенно и незаметно. Но когда вспыхивало полным пламенем, поглощало всех вокруг полностью, и избежать этого сокрушительного пожара уже оказывалось невозможным. Это Иван понял позже. А в тот вечер, переступая в неловкости ногами в мокрых носках и чувствуя себя в чужой прихожей лишним, он, придав голосу безразличной небрежности, дабы казаться «выше» хозяина, спросил:

– Слышь, долговязый, как тебя зовут-то?

– Борисом, – ответил хозяин, ничуть не смутившись развязного тона гостя. И улыбнулся своим лягушачьим ртом. Но кличка «Долговязый» с того вечера к Борису приклеилась намертво. Никто из мальчишек в их компании по-другому его и не звал. Только в обращение уже вкладывалось не легкое презрение, а, напротив, уважение и даже любовь. Самому парню, похоже, было все равно, как его будут называть. Лишь бы пацаны были увлечены.

О себе Борис рассказал еще в тот вечер, когда готовил мальчишкам горячий чай с мятой и выкладывал под их

смущенными взглядами в вазочки конфеты и печенье. Ему недавно исполнилось двадцать, и был он студентом-третьекурсником, учился в местном педагогическом на историческом факультете. Его родители давно развелись, и хоть он жил с матерью, с отцом связь поддерживал тесную. До третьего курса жил в общаге, так как поселок, в котором Борис проживал с матерью, находился в сотне километров от областного города. Но усугубились проблемы со здоровьем: у Бориса с рождения был порок сердца. И тогда было решено, что он переедет к отцу-врачу. Так с осени парень поселился в этом городке, успел познакомиться со всеми соседями и почти обаять подозрительную соседку бабу Полю.

В тот вечер Иван и его друзья засиделись в гостях у Долговязого допоздна и даже успели познакомиться с его отцом, вернувшимся с работы. Может, если бы кто-то другой, не Борис, и попытался заинтересовать их подобной темой, то потерпел бы крах. Долговязому же увлечь их получилось так быстро, легко и естественно, что Иван потом, не раз оглядываясь на тот день, удивлялся его таланту. А может, дело было вовсе не в особом таланте Долговязого, а в том, что он просто жил тем, чем оказывался увлечен. И жил тоже с увлечением, которым невольно заражал всех вокруг. Такой жажды жить, такого удовольствия от самого факта существования, такой радости от каждого дня Иван не встречал больше ни у кого – ни до Долговязого, ни после.

Они, все четверо, вернулись к нему через день и привели с

собой еще пару новых мальчишек. Постепенно их компания расширялась: кого-то позвали они, кого-то пригласил Долговязый. Здесь, в доме Бориса и его отца, им были рады в любой день и час, к ним относились с уважением, как к взрослым, и, одновременно, с заботой и любовью. И, может, не столько за захватывающим времяпровождением приходили мальчишки в эту небольшую квартиру, сколько за пониманием и теплом, так недостающим им в тот промозглый период переходного возраста с его пронизывающими ноябрьскими ветрами, заморозками и выстуживающим душу одиночеством.

Как знать, может, дружба с Долговязым длилась бы и по сей день, если бы не случившаяся в мае 2001 трагедия, о которой еще долго шумели в городке. В тот день, суливший изначально радость и адреналин, к которому готовились долго и тщательно, пропал Витя Пономарев, и как его ни искали, так и не сумели найти. Дорогу Пономарева скрыл такой плотный туман, что так и оставалось неясным, ушла ли она в небо или так и продолжает раскатываться себе полотном, только уже в каких-то неведомых далях. Борис обвинил во всем себя. Его больное сердце не выдержало переживаний, и к осени того же года Долговязого не стало. А потом, спустя пятнадцать лет, и Володьки.

И вот надо же! Приглашение на ужин от пропавшего пятнадцать лет назад Виктора Пономарева. Получается, жив… Только где ж его черти носили все это время? Иван повертел

в руках открытку, а потом набрал номер секретаря. Но, не дождавшись первого гудка, положил трубку на рычаг и сам вышел в приемную.

– Лена, кто принес это приглашение? – спросил он, показывая отвлекшейся от работы девушке конверт.

– М-м-м… – на секунду задумалась та. – С курьером прислали, Иван Сергеевич. Я точно помню, потому что попросили расписаться за получение.

Что ж, логично. По крайней мере Иван догадывался, как его могли найти: недавно в одном популярном журнале вышло интервью с ним, основателем известной сети магазинов, торгующих стройматериалами и товарами для дома. Иван потоптался на месте, раздумывая, что еще спросить. Но, так и не найдя, кивнул секретарю и вернулся в свой кабинет. Чертова открытка. Чертова история. Чертовы воспоминания, которые воскресила она. Иван резко выдвинул ящик стола и вытащил из него пачку сигарет. Курил он редко, но, как сам же и посмеивался, метко. То есть если срывался, то одной сигаретой не ограничивался, а смолил две или три подряд. Но сейчас, достав из пачки сигарету, он помял ее в пальцах, а затем решительно убрал на место и опять взял злополучную открытку.

Ишь ты! Как пафосно – «ужин, посвященный воскрешению воспоминаний». И какие же это воспоминания собирается воскрешать Пономарь? Или так напыщенно названный ужин обернется поминками по тем, кто уже ушел? Иван ти-

хонько стукнул кулаком по столешнице. Приглашение вывело его из равновесия. Не было желания ехать на этот странный ужин, но, с другой стороны, Иван понимал, что не сможет просто выбросить из головы мысли о нем так легко, как если бы выкинул открытку в мусорное ведро. Не получится и все тут. Да и чтобы поставить точку в *той* истории, ему нужно знать, что случилось с Пономарем.

До десяти вечера еще оставалось порядка пяти часов. Иван вошел в Интернет, набрал в гугл-мапс адрес и тихо присвистнул. Ну и местечко выбрал для ужина Пономарь! Мужчина распечатал карту, а затем набрал номер секретаря:

– Лена, ни с кем меня сегодня уже не соединяй.

– Вы уезжаете, Иван Сергеевич? – вежливо уточнила девушка.

– Да, – чуть помедлив, ответил он. И пусть до ужина еще оставалось много времени, он лучше уйдет пораньше. Поколесит по городу, потому что езда его успокаивала, перекусит в любимом кафе, соберется с мыслями – перед этим вечером «воскрешения воспоминаний».

Иван подъехал к промышленной зоне, расположенной в одном из отдаленных районов столицы, ровно за полчаса до ужина. Он не любил опаздывать, так же, как и приезжать сильно заранее. Но когда встречу назначали в незнакомом месте, прибывал с учетом времени на поиски парковки. Место для ужина Пономарь выбрал не самое удобное – на

территории бывшего завода, здания которого в дань моде и практичности переделали под офисные. Изучив в Интернете план и сайт, Иван узнал, что помимо ресторана, который в будние дни служил общепитом для офисных сотрудников, а в выходные сдавался под банкеты, в зданиях бывшего завода размещались фитнес-клуб и несколько небольших компаний. В общем, какая-никакая жизнь здесь наблюдалась.

Найти свободное парковочное место удалось почти сразу. Правда, находилось оно довольно далеко от ресторана, так что остаток времени ушел на пешую прогулку. А вот ресторан, не смотря на карту, Иван нашел не сразу: пришлось поплутать между зданиями из красного кирпича, которые еще недавно наверняка щерились выбитыми стеклами, а сейчас, благодаря новыми стеклопакетами, приобрели европейский лоск. Ресторан располагался в бывшей заводской столовой, затерявшейся между двумя зданиями. Иван в полном одиночестве приблизился к бетонному крыльцу, которое освещали два простых фонаря, и остановился. Что-то не так. Не слышно ни музыки, ни гомона голосов, да и свет за занавешенными окнами, кажется, тоже не виден. И только он подумал, не стоит ли повернуть назад, как занавеска на одном из окон вдруг колыхнулась. Значит, его дожидаются. И, может, даже выглядывают его в окно. Иван потянул на себя тяжелую металлическую дверь и вошел.

Никто его не встретил – ни швейцар, ни администратор. Только приглушенный свет двух напольных светильников

освещал обозначенный зеленой ковровой дорожкой путь. Иван шагнул на вытертый ворс ковра и только сейчас понял, что тишина в ресторане царит не абсолютная, как в первый момент ему показалось, а наполнена приглушенным треском и жужжанием. Он толкнул дверь в зал, и к усилившемуся стрекоту и жужжанию добавилось металлическое позвякивание. В полумраке обеденного зала Иван увидел, что все места заняты. Но когда он переступил порог, над ближайшим столиком вдруг вспыхнула навесная лампа и осветила табличку с черными печатными буквами: «Селин Иван Сергеевич». Мужчина присел за стол, повертел табличку в руках и оглянулся в поисках официанта. В этот момент лампа над столом моргнула и погасла. На несколько неприятных моментов весь зал оказался погружен в темноту, в которой шумы, казалось, раздавались громче. А потом совсем близко, за его же столиком, неожиданно раздался хохот. И во вспыхнувшем во всем зале свете Иван увидел напротив себя худую фигуру с несуразно длинными руками и огромной башкой. От неожиданности мужчина вздрогнул. У сидевшего за его столом оказалось уродливое лицо с крупным носом, глазами навыкате и длинным ярким ртом, в разрезе которого выглядывали по-кроличьи два зуба.

– Что за… – Иван не договорил, только сейчас поняв, что сидевший за его столом – пластмассовая кукла в человеческий рост. Мужчина скосил глаза на соседний столик, за которым раздавалось лязганье, и увидел, что там «обеда-

ют» два манекена, изображающие мужчину и женщину в старинных нарядах. Но вместо столовых приборов на столе находилась детская железная дорога, и маленький поезд с тихим жужжанием носился по кругу. Иван ошеломленно обвел взглядом зал и обнаружил, что за другими столами все то же самое – манекены, а где-то – просто большие пластмассовые куклы, на столиках выстроены маленькие копии железнодорожных полотен, и с десяток крошечных паровозиков с шумом и стрекотанием носятся по своим замкнутым траекториям.

– Ну и хрень, – выругался ошеломленно Иван и, вскочив с места, быстрым шагом покинул неприветливый ресторан. К счастью, никто его не остановил и не окликнул.

Полыхая гневом и злясь на себя за то, что поддался на розыгрыш, он не сразу отыскал машину, а потом с трудом смог выехать, кружа по заводской территории в поисках выхода и ругаясь на тех, кто организовал такой бестолковый выезд. Наконец Ивану удалось вырулить к воротам, но когда он, пропетляв по закоулкам, выбрался на шоссе, в машине резко запахло горелым. Увидев, что из-под капота вырывается темный дым, мужчина свернул на обочину, заглушил двигатель и торопливо вызвал аварийную службу. Домой он возвращался на такси, злой до дрожи: задень его кто хоть взглядом, и он разрядится высоковольтным напряжением. Машину обещали вернуть исправленной лишь в середине следующей недели. Чей-то идиотский розыгрыш обернул-

ся для него проблемами.

Но к следующему дню, не смотря на то, что из-за «вечера воспоминаний» временно остался безлошадным, Иван смог справиться с негодованием и почти выкинуть из мыслей неприятное приключение: работа всегда поглощала его с головой. И, может, он бы больше не вернулся мысленно к этому досадному розыгрышу, если бы не торчавшая в дверном косяке записка, которую Иван обнаружил, вернувшись в обычный час с работы. Записка заставила его бросить портфель прямо в прихожей, торопливо переодеться из костюма в джинсы и рубашку, и с урчавшим от голода желудком помчаться на вечернюю электричку.

«В твой родной дом скоро придет Смерть.
Беги, может, успеешь».

2

Звонить матери не было желания, но Ева считала нужным ставить ту в известность, если появлялась малейшая новость о Тине. И все же, прежде чем нажать на вызов, она долго медлила, согревая в руке мобильник и собираясь с духом. Разговор всегда шел по одной схеме. И хоть у предсказуемости были свои преимущества, Ева предпочла бы, чтобы хоть раз разговор с мамой отличался от множества предыдущих. Пусть хоть раз в голосе мамы прозвучала бы забота, искреннее беспокойство или сочувствие. Или она бы перестала читать нотации и бить упреками. Ева на секунду представила себе такой новый разговор с мамой и криво усмехнулась: размечталась. После чего решительно поднесла телефон к уху.

– У нас полночь, – вместо приветствия сообщила мать, и в тоне ее послышалось раздражение. – Мы уже легли спать. Стиву завтра рано на работу.

– Извини, ма, – покорно проговорила Ева, невольно перестраиваясь на материнский сценарий разговора и злясь на себя за это.

– Ну что у вас там? Нашлась Валентина?

– Нет, но я получила видео.

– Какое еще видео? – недовольно спросила мать и шумно зевнула в трубку. Ева сделала глубокий вздох, чтобы подавить собственное раздражение, и ответила:

– Видео, на котором была заснята Тина.

Она кратко и торопливо, опасаясь того, что мать в любой момент может ее прервать и попрощаться, все рассказала и замолчала, ожидая ответа. Но мать тоже молчала, и Ева понадеялась, что та обдумывает услышанное.

– Глупость какая-то, – выдала наконец-то мать. Ева разочарованно вздохнула: чуда не случилось. Мама осталась в своем репертуаре.

– Я же говорила, что все с ней в порядке. Наверняка у какой-то подруги скрывается! Увидела, какая каша заварилась с ее исчезновением и струсила.

– Она бы так не поступила, – сквозь зубы ровно проговорила Ева.

– Подростки все с финтами! И что я, нашу Валентину не знаю? Она всегда была такая, с выкрутасами, даже еще когда ребенком… С тобой и то проще было!

– Ма, ты когда прилетишь? – перебила ее Ева.

– Дочь, я же уже сказала! Сейчас не лучший момент. У Стива проблемы на работе. Я должна его поддержать. К тому же наша финансовая ситуация не такая уж прекрасная, чтобы позволить себе дорогущие билеты.

– Мама, у тебя дочь пропала. Две недели назад. Ты что, не понимаешь? – сорвалась на злой шепот, в котором клокотало негодование, Ева.

– Это ты не понимаешь! – отчеканила мать. – Валентина выкинула очередной финт, а ты развела панику! Я тоже под-

ростком сбегала из дома.

– И из одного своего побега вернулась беременной, – съехидничала Ева. – Кинула меня на бабушку и продолжила свои похождения! К счастью, Валентина не пошла в тебя. Да даже если бы она, как ты говоришь, на две недели ушла к подруге или, допустим, к приятелю, разве тебя это не волнует? То, что твоя дочь где-то скитается? А может, кто-то ее держит взаперти и издевается над ней? Тебя это не волнует?!

– Волнует! Меня волнует то, что я тебе доверила свою младшую дочь, считая, что на тебя можно рассчитывать. А ты оказалась такой безответственной! Вот что меня волнует! Конечно, я переживаю за Валентину! И если с ней случится что-то плохое, я с тебя спрошу. Три шкуры с тебя спущу, если с ней что-то случится! Как я могла тебе так доверять?! Думала, что уж к тридцати годам ума у тебя прибавилось! Не удивительно, что тебя и замуж никто не берет.

– Ма!..

– И детей своих тебе заводить не стоит, такой безответственной!

– Мама!

– Что «мама»?! Я тут с ума схожу от страха и переживаний! А ты мне звонишь, чтобы упреки свои высказать. Хватит уж, не маленькая!

– Я тебе звоню, чтобы узнать, когда ты прилетишь!

– Чтобы исправить то, что натворила ты? Да я бы точно не стала бездействовать, как ты! Я бы всех уже на уши по-

ставила, на этого следователя бестолкового так насела, что он бы вмиг отыскал мою девочку! А ты только и способна на то, что меня попрекать и о каких-то видео мямлить. Действовать нужно! Действовать!

Ева сжала мобильный так, что его тонкие грани врезались до боли в ладонь и пальцы. Будто ее воля, она бы раздавила его, чтобы яд материнских слов не вливался ей в уши, не отравлял кровь, не вызывал бессильные слезы негодования. Она бы с радостью отключила вызов, если бы это ей не вышло еще дороже. Рассориться с матерью совсем Еве не хотелось. Девушка зажмурилась изо всех сил, как когда-то в детстве, когда мама начинала отчитывать ее за какую-то оплошность. Маленькая Ева воображала себе, что когда она сильно-сильно жмурится, то «закрывается», и материнские упреки не навредят ей, лишь слегка оцарапают снаружи сердце. Она представляла себе красное пульсирующее сердце, на котором появлялись кривые штрихи-порезы от града острых стеклянных осколков. И крепче жмурилась, прикладывая уже не только мысленные, но и физические усилия, чтобы «завернуть» сердце в защитный кокон. Эта детская привычка и святая вера в «волшебное средство» настолько оказались сильны, что Ева до сих пор, на пороге своего тридцатилетия, продолжала зажмуриваться в телефонных разговорах с матерью.

– В общем, ты меня поняла, – закончила свой монолог мать. И Ева с тихой радостью обнаружила, что ее детское

«волшебство» помогло ей практически без урона в очередной раз перенести бомбардировку упреками и обвинениями.

– Да, мама.

– Позвонишь, – кратко сказала та и первой, как всегда бывало, отключила вызов. Ева положила телефон на тумбочку и вытерла ладонью взмокший лоб. От внезапно навалившейся плотным одеялом слабости подкашивались ноги и кружилась голова. Ева налила в чашку холодного чаю, разболтала в нем три ложки сахара и залпом выпила.

Как обычно, позже, чуть остыв от разговора и справившись с саднящей болью, нанесенной ей ранящими словами, она принималась искать оправдания матери. Как всегда, это были одни и те же, с детства вбитые ей в голову и самой матерью, и бабушкой.

…Мать родила ее очень рано, забеременев в неполные пятнадцать лет от какого-то безымянного «негодяя», как называла его бабушка. Когда родилась Ева, бабушка взяла на себя заботы о внучке, потому что молодая мать должна была получить аттестат. Мама окончила учебное заведение с грехом пополам и поступила по настоянию бабушки в местное швейное училище. Только вместо учебы продолжала безбожно гулять в надежде устроить личную жизнь. Маленькой Евой она совершенно не занималась, интереса почти не проявляла и считала ее обузой.

Личную жизнь мать, не смотря на активные поиски мето-

дом проб и повторяющихся ошибок, почти устроила лишь тринадцать лет спустя, когда в череде кратковременных вспышек ни к чему не приводящих связей зажглась звезда настоящего романа – блестящего, немного колючего, но согревающего холодными вечерами, как турецкие свитера из мохера с люрексом, мода на которые запоздалой волной докатилась до их поселка. Мать двенадцатилетней Евы наконец-то встретила Мужчину: того, который осыпал ее сальноватыми комплиментами, дарил безвкусные украшения из цыганского дутого золота и бесконечные вазочки из чешского стекла. Того, который мог бы стукнуть кулаком по столу, заявляя о своей мужской позиции, и витиевато выругаться, но затем тайно подложить под клеенчатую скатерть на кухонном столе несколько крупных купюр «на ребенка, хозяйство и помаду». Мужчину, который покупал Еве кукол, вислоухих плюшевых зайцев и журналы-раскраски, а однажды разорился для девочки на немецкие зимние ботинки на «тракторной» подошве и с толстым слоем искусственного меха внутри. Который звал располневшую и потускневшую любовницу «Моей Королевой», смотрел на нее с таким обожанием, что и сомнений ни у кого не возникало – любит. Но когда мать Евы уже подбирала в местном салоне свадебное платье, отыскивая в ворохе однотипных синтетических ужасов то, которое бы скромно скрыло ее наметившийся живот и, наоборот, нецеломудренно подчеркнуло наливающуюся грудь, грянуло несчастье: ее Мужчину взяли на очередной

квартирной краже. Измученную токсикозом, стремительно полневшую и отекающую женщину безжалостно таскали во время следствия по кабинетам, едва ли не пришивая ей соучастие, но в итоге оставили в покое. А жениха осудили на несколько долгих лет. Мать Евы до самых родов ездила на свидания и носила сумками передачи. Собиралась ждать. Да только вскоре после рождения девочки, названной Валентиной в честь покойной матери жениха, отец девочки умер в тюремной больнице от стремительно развившейся легочной инфекции.

Мать погоревала-поплакала, а когда успокоилась, вновь принялась за попытки обустроить личную жизнь. Младшую дочь, красивую и наряженную как куколку, оставила на попечении матери и старшей дочери, которой только исполнилось пятнадцать лет. А сама уехала в столицу. Ее не было семь лет. Только иногда приходили поздравительные открытки с праздниками да редкие посылки, в которых оказывались не по размеру большие или маленькие платья и слипшиеся дешевые карамельки. Мать объявилась в их доме неожиданно, без всякого предупреждения. За эти годы она располнела еще больше и постарела. Еве навсегда врезался в память резкий душный запах ее духов и скатывающаяся на пористой блестящей коже розовая пудра. Но мама была счастлива: ее щедро подведенные глаза блестели, с губ не сходила улыбка, и впервые она по-настоящему была ласкова с девочками.

– Я выхожу замуж и уезжаю. В Штаты, – открыла мама за чаем с привезенным ею бисквитным тортом причину своей радости. – Со Стивом мы познакомились по Интернету. Он уже дважды прилетал в Москву. Прилетит в третий, мы поженимся и вместе уедем.

– А дочери? – спросила строго бабушка, и мать сразу как-то сникла, потускнела, как елочная игрушка, с которой, явив неприглядную пластмассу, слезла позолота.

– Ма, ну ты ж понимаешь, – ответила мать и забегала глазами, стараясь не встречаться взглядом ни с напрягшейся Тиной, ни с Евой, которой новость подарила ложную надежду на переезд из маленького скучного городка в Америку.

Бабушка брякнула чашкой о стол, встала и вышла. В кухне повисла тяжелая и плотная тишина, которая оказалась красноречивей всяких слов. Тина вдруг громко всхлипнула и, с шумом сдвинув стул, выбежала следом за бабушкой.

– Ева? – беспомощно обратилась мать к старшей дочери. Тот раз оказался единственным, когда мать обратилась к ней не свысока и даже не на ровне, как взрослая к взрослой, а приниженно-заискивающе. – Ева, ну хоть ты меня понимаешь?

И девушка от неожиданности кивнула.

…Да, она понимала и оправдывала свою мать-кукушку, которой тогда едва исполнилось сорок лет, и в которой материнский инстинкт оказался сильно подавлен сексуальным,

как презрительно сказал бы кто-то сторонний. Мама так и не научилась быть мамой, и Ева в этом даже частично винила себя: будь, может, она красивой и успешной, как хотелось бы матери, смогла бы разбудить в той нужные чувства. Но нежность матери была направлена не на дочерей, а на мужа – тщедушного сутулого очкарика Стива, компьютерного гения. С его гениальностью мать и носилась, как с младенцем в пеленках, берегла, холила, взращивала. У Стива то и дело возникали то проекты, то проблемы, которые заключались в том, что ему больше суток не приходило в большую шишковатую голову очередное гениальное решение. На родину мама прилетала за это время трижды, в первый раз – на похороны бабушки, и дважды – навестить дочерей. Она была счастлива, Ева не могла это не заметить по ее изменившейся внешности: мама сильно похудела и похорошела, нашла хорошего парикмахера и сменила безвкусные хламиды на стильные брюки и блузы. Но все же каждый раз после тесного общения с мамой у Евы оставалось ощущение, что та до сих пор выставляет ей счет за те безвкусные мешковатые платья и слипшиеся в несъедобные комки растаявшие карамельки.

Невеселые размышления девушки прервал звонок мобильного. Номер не определился, и Ева ответила на вызов с некоторым волнением:

– Да?

– Хочешь узнать, что с твоей сестрой, приходи сегодня

ровно в одиннадцать ночи на крыльцо ресторана «Кипарис», – проговорил ей некто голосом, который мог бы принадлежать как женщине, так и мужчине. – Приходи одна. Если кому сообщишь о звонке или приведешь кого-то с собой, ничего не получишь.

– Кто вы?! Как я вас узнаю? – успела выкрикнуть Ева в трубку, прежде чем услышать короткие звонки. Она бессильно опустилась с зажатым мобильным в кулаке на стул и сделала три глубоких вдоха. Первым ее порывом было тут же позвонить следователю и сообщить, не смотря на предупреждения, об анонимном звонке. Когда в фильмах или книгах ей встречался подобный случай, Ева всегда мысленно ругалась на неблагоразумие того, кого просили куда-либо подъехать в обмен на ценную информацию и не сообщать о встрече никому. Потому что, как правило, такой легкомысленный поступок приводил к плачевным последствиям. Но вот сейчас она сама оказалась в похожей ситуации – реальной, не киношной. И на кону было здоровье и, возможно, жизнь ее выпестованной младшей сестренки. Ева вскочила на ноги и заходила по кухне с зажатым в кулаке телефоном. С одной стороны, встречу ей назначили в поздний час. Это «минус». С другой, ресторан «Кипарис» – известное в городе заведение. На его крыльце постоянно кто-то курит, а в зале полно посетителей. Вряд ли тот, кто ей назначил встречу, нападет на нее на глазах у множества свидетелей. Это плюс. Другой плюс Ева нашла быстро, решив, что возьмет такси: стоянка

для автомобилей располагалась прямо напротив крыльца ресторана. Правда, она засомневалась, не посчитает ли звонивший за ненужного свидетеля таксиста? Но она может выйти из машины немного раньше и попросить водителя на всякий случай проехать мимо ресторана, будто в поисках клиента. Да, так она и поступит. Еще Ева решила положить в сумочку газовый баллончик и облачиться в удобную для бега одежду и обувь.

Казалось, она продумала все до мелочей, но тот, кто назначил ей встречу, оказался хитрее или более подготовленным. По-крайней мере он уже знал, что подъезд машин к ресторану именно в этот день перекрыли из-за аварийной ситуации с прорвавшейся канализацией. Поэтому клиенты вынуждены были оставлять автомобили на соседней улице и до заведения метров двести шагать по плохо освещенной аллее. Еве ничего не оставалось, как идти самой. Она предусмотрительно достала из сумочки баллончик, но воспользоваться им так и не успела, потому что тот, кто задумал ловушку, выгадал момент, когда девушка оказалась на неосвещенном участке аллеи в полном одиночестве, и хитро напал на нее сзади.

****

Иван отсчитал кассиру запрошенную сумму и взял билет. Последний раз он пользовался электричкой, наверное, еще в

студенчестве. С тех, «безлошадных», лет многое что поменялось, а кое-что так и осталось неизменным. Например, бабки с домашними пирожками. Когда-то Иван, возвращаясь из общежития домой, покупал в дорогу пирожков с капустой и картошкой, совершенно не боясь того, в каких условиях они могли бы быть приготовлены. Просто он интуитивно подходил к тихой старушке, не расхваливающей свой товар на весь перрон, и брал пироги у нее. И ни разу не отравился.

Воспоминания о тех годах нахлынули так ясно, что Иван почти явственно ощутил вкус жареного пирожка с капустой, и рот наполнился голодной слюной. Обед был давно, перекусить он, встревоженный запиской, не успел, а дорога предстояла длинная. Мужчина повертел головой по сторонам, игнорируя горластую торговку беляшами в цветастой юбке, и, наконец, нашел, кого искал – сухонькую неприметную старушку, притулившуюся возле фонарного столба. Перед бабушкой стоял короб, накрытый белоснежным полотенцем. Вот к ней Иван и направился. И не ошибся: когда обрадованная старушка откинула полотенце, из короба по-домашнему пахнуло сдобой. Иван вытащил кошелек и выгреб из него всю имеющуюся некрупную наличку:

– На все!

Бабушка суетливо набрала ему полный бумажный пакет пирогов и пожелала приятного пути. Иван на глазах у старушки вытащил верхний пирожок и надкусил. От горячего теста дохнуло жарким ароматом начинки. Совсем как те

в студенческие времена. Как знать, может, и бабушка эта «та же самая». Иван поблагодарил старушку и, на ходу дожевывая пирожок, побежал на электричку. Ему удалось занять место возле окна в третьем от головы поезда вагоне. В поздний вечерний час августовскими пятницами пригородные электрички наполняются пассажирами стремительно и еще задолго до отправления оказываются забитыми под завязку. На коленях сидевших дачников громоздились корзины, рядом копьями возвышались завернутые в тряпки орудия хозяйственного труда, воздух от прибывающей публики мгновенно делался влажным и терпким. Кто-то пытался протиснуться через переполненный вагон, стоявшие в проходе недовольно роптали, но отодвигались, толкали сидевших с краю, те – своих соседей. На какое-то мгновение Иван оказался почти прижатым к окну, и настроение испортилось. Вдобавок запах, исходивший от пакета с пирожками начал казаться в спертом воздухе слишком назойливым, но деваться от него было некуда. Наконец машинист закрыл двери, объявил остановки, и Иван с облегчением вздохнул: оказывается, электричка часть пути будет останавливаться только на крупных станциях, а, значит, время пути сократится с двух часов до полутора. Мужчина прикрыл глаза, и воспоминания, словно дождавшись, когда он наконец-то расслабится, атаковали его.

2000–2001 года.

Долговязый открыл перед ними удивительный мир, наградил их, простых пацанов и девчонок тринадцати-шестнадцати лет властью, силой и свободой, которые только могут дать воображение. Но, самое главное, он показал подросткам лучшую из возможностей для решения их личных проблем, с которыми они не могли справиться в реальности, будь то комплекс по поводу «неудавшейся» внешности, шепелявости или застенчивость, из-за которой сложно завести друзей или заговорить с давно нравившейся девочкой. То ли Долговязый обладал талантом чувствовать потребности мальчишек и девчонок, то ли его этому обучали в педагогическом вузе. А может, просто помнил, как сам недавно находился в том сложном возрасте, когда из детского мира ты уже вырос, как из коротких штанишек, а мир взрослых еще не торопится тебя принимать, относится к тебе настороженно и снисходительно. Но как бы там ни было, Борис выбрал правильный путь – игру. Общая цель сплотит, и подросток, страдающий от одиночества и непонимания, найдет друзей. Так для Ивана и его приятелей открылся мир ролевых игр и это увлечение стало важной частью их жизни на протяжении того осенне-весеннего периода. Подростки собирались по вечерам дома у Долговязого к шести вечера два раза в неделю, в вечера, в которые отец Бориса заступал на ночное дежурство. Впрочем, отец Долговязого, Семен Васильевич, ничего не имел против тех собраний. Лишь бы его сын и мальчишки

были увлечены хорошим делом и не запускали учебу. Тем более что Долговязый выдвинул своим младшим товарищам обязательное условие: безупречно сделанные уроки и отсутствие «двоек» в школе. Это правило подростки приняли без роптания, как одно из важных в игре. Сам же Борис в тот год из-за пошатнувшегося здоровья перешел с очного на заочное обучение, но днем усиленно занимался и зимнюю сессию сдал полностью на «отлично» – в пример своим подопечным.

Гости поначалу приходили разрозненно, но вскоре подозрительная баба Поля закатила Борису грандиозный скандал и обещала вызвать полицию, если это «безобразие» будет продолжаться. Пожилой женщине мешало то, что в течение получаса то раздавался топот по лестнице, то хлопанье дверей лифта, затем – шум на площадке. Поэтому было решено приходить уже собравшейся компанией и тихо. Подростки шумной гурьбой собирались возле кулинарии неподалеку от дома, но как только они переступали порог подъезда, затихали и на цыпочках, заговорщицки переглядываясь и перемигиваясь, поднимались на нужный этаж. «Не разбудить Драконихy», – именно Иван предложил этот всех развеселивший и принятый единогласно «квест». Конечно, не всегда удавалось избежать встречи с вредной соседкой, дежурившей за своей дверью, словно дракон, охраняющий в пещере сокровища. И тогда, если Драконихa выглядывала на площадку и разряжалась ворчанием, считалось, что уровень не пройден.

К приходу гостей Борис уже успевал заварить большой чайник цейлонского чаю, добавить в него несколько веточек мяты и выставить на стол в гостиной вазочки с печеньем и недорогими карамельками. Выпить перед двух-трехчасовой игрой чаю считалось необходимым условием. Во время чаепития Долговязый, выступающий Данжен-Мастером, вводил мальчишек в курс новой игры, описывал мир или напоминал условия начатой накануне, раздавал листы персонажей. В ту осень и зиму играли в настольные ролевые игры, начав с простой и короткой, придуманной самим Борисом, а потом прошли и классические.

Но однажды Борис объявил, что задумал от «настолок» перейти к «полевкам» – играм на местности, чем вызвал у игроков настоящий восторг. Услышав новость, подростки загалдели и забурлили радостью. Со всех сторон посыпались предложения: кто-то хотел оказаться в Средневековье, кто-то – проникнуть в мир Толкина не только в воображении, но и «наяву», кто-то мечтал заглянуть в будущее и предлагал обратить внимание на футуристические сюжеты. Девочки хотели быть Принцессами. Парни – Рыцарями, Завоевателями, Путешественниками во времени и в Космосе. А Долговязый выслушивал все предложения с загадочной улыбкой. И когда дискуссия пошла на спад, и десяток пар любопытных глаз обратились с немым вопросом к нему, ответил:

– У меня есть одна любопытная идея. Знаете старую станцию?

Кто ж из местных не был знаком с заброшенной железнодорожной станцией! И наверняка каждый из компании мечтал там побывать. А кто-то уже и лазил. Ребята радостно переглянулись: лучшего полигона для игры и не сыскать! Это тебе не просто лес или поле. На заброшенной станции с ее заколоченными постройками, старым локомотивным депо и проржавевшими вагонами можно такую игру развернуть!

– Нужно дождаться конца весны – начала лета, – продолжал Долговязый. – Пусть все высохнет. Да и большая игра требует глобальной подготовки. Согласны?

Ребята недовольно загудели, скрывая в голосах невольное разочарование: им хотелось тут же, сейчас, в крайнем случае – завтра. Но Борис был прав.

– Я давно уже думал, что за история может быть у этой станции, – продолжил Долговязый тихим голосом, словно просто размышлял вслух. – Почему прекратилось сообщение на этом участке?

– Автобусное вытеснило железнодорожное, – повторил Иван то, что когда-то слышал от взрослых.

– Возможно, – кивнул Долговязый. – Но тогда почему вскоре построили другую станцию, соединили через этот узел две соседние? Чем старая так не угодила? Зачем нужно было вкладывать деньги в строительство новой платформы, прокладывать еще путь и оставлять вполне работающую станцию, которая включала в себя не просто платформу и кассу, но и депо, и рабочие постройки? Никогда не задумы-

вались?

Никто из ребят не смог ответить на его вопросы, и Борис довольно улыбнулся, будто и ожидал подобной растерянности.

– Надо поискать историю. Покопаться, что же там на самом деле случилось. А ведь что-то случилось – у меня на такие истории нюх! И на этом построить нашу игру. Зачем нам уже готовые, если мы вполне можем придумать свою, оригинальную? К нам, может, еще другие игроки будут ездить!

Он мечтательно прикрыл глаза, и Иван в тот момент, как никогда, понял Долговязого: с его одиночеством, от которого он сбегал в книги, с его ограничениями в жизни из-за болезни, с его мечтой когда-нибудь сотворить что-то грандиозное.

– Можно в местную библиотеку сходить! И покопаться в архивах старых газет. Что-то можно там найти! Я недавно для одного реферата искал, – выдвинул идею тихоня Пономарев. Его светлые глаза горели огнем интереса, который сделал их неожиданно выразительными. Взгляды всех присутствующих обратились к парнишке, и бледные щеки Вити заалели от смущения.

– Верная идея! – одобрил Долговязый, и Пономарев счастливо заулыбался, словно то был его звездный час. Знал бы он в тот момент, что его по-настоящему «звездный час», когда в городке только и будут говорить о нем, уже не за горами и окажется на самом деле не таким уж блестящим. Словно билет из золотой бумаги, который ему неожиданно выпадет,

в его руках обратится в пепел…

…Иван очнулся от своих воспоминаний так резко, будто кто-то сильно толкнул его в плечо. От неожиданности мужчина дернулся, заморгал и растерянно оглянулся. Похоже, он не просто задумался, а уснул. Иван встревожено бросил взгляд в окно, за которым легкие сумерки заретушевывали очертания, с полминуты напряженно вглядывался в пейзажи, а затем с облегчением перевел дух: не проехал. Еще минут пятнадцать до его остановки.

– Испугался, соколик? – раздался вдруг ласковый голос. Иван только сейчас заметил цыганку, сидевшую на скамье напротив и в упор разглядывающую его с легкой улыбкой. Видимо, от ее пристального взгляда он и проснулся. С одной стороны – вовремя. С другой – разговаривать с цыганкой желания не было. Поэтому Иван просто слегка кивнул ей и отвернулся к окну. К своему неудовольствию он успел заметить, что в вагоне они остались с цыганкой вдвоем.

– Монетки у тебя не найдется, соколик?

– Нет, – резко ответил Иван, считая, что с цыганами нужно вести короткий разговор. А лучше вовсе не вести.

Женщина не обиделась. Тихо вздохнула и зашуршала юбками, подвигаясь на свободной скамье ближе к нему. Иван недовольно покосился на цыганку, отметив про себя, что та уже немолодая: в черных волосах – серебряные нити проседи, а маслинно-темные глаза обрамляет густая сеточка мор-

щин.

– Что тебе от меня надо? Ручку не позолочу. Сказал уже, что нет при себе налички. От слова «совсем». Бумажник пустой. Из всех ценностей – пакет с пирожками. Хочешь – забирай. Мне не жалко.

Цыганка тихо засмеялась, но вдруг резко оборвала свой смех.

– Не нужно мне от тебя ничего, соколик. Скажу только, береги себя. Не просто так у нас случилась встреча. Вижу, предупредить тебя должна. За твоим плечом – тень. Человек высокий, тянется к тебе длинными руками. Берегись его!

– Ты мне зубы не заговаривай! – рассердился Иван, но машинально оглянулся и вздрогнул, увидев на стене рядом с дверью в тамбур темную тень, очертаниями и правда напоминающую растянутую тощую фигуру с непропорционально длинными руками. Но уже через мгновение тень исчезла, словно кто-то сдернул ее со стены, как покрывало. «Игра света», – подумал Иван. Цыганам верить не стоит. Тем более если они пытаются уверить, что им от тебя ничего не надо. Цыганка, подтверждая его подозрения, не собиралась уходить. Напротив, придвинулась к Ивану так, что загородила ему проход.

– Не веришь мне, соколик. Но зря, – тихо проговорила она, пристально вглядываясь Ивану в лицо. Опасные у нее был глаза – манящие, глубокие и губительные, как омуты. Вспыхивали они обманчивыми золотистыми искорками, но

на самом их дне клубилась темнота. Не по себе стало от ее взгляда Ивану, захотелось провести ладонью между собственным взглядом и ее, разрывая невидимые нити, которые плела эта паучиха, но рука вдруг стала безвольной и тяжелой. Так и осталась лежать на колене.

– У меня дар есть, – продолжала вещать грудным голосом цыганка. – Бабка моя – сильная ведунья. А матери этот дар не передался. Я не гадаю, не угадываю, я *вижу*. А вижу я, что ты человек хороший. Хоть и заблудившийся. С женой расстался. Но это не твоя женщина была. А свою еще встретишь. Если меня послушаешь и побережешься. Тень, что за твоей спиной увидела, к тебе руки из прошлого тянет. Послушай, что скажу…

И она сказала. Сказала то, от чего у Ивана, скептически относящегося к предсказаниями, и уж тем более к услышанным от цыган, по спине прошел неприятный холодок. Цыганка рассказала ему о прошлом, но не обо всем и общими словами, а об одном конкретном эпизоде, вернее, одном вечере – том самом, когда пропал Пономарь. Описала, не называя ее, и старую станцию. Только вот что на самом деле там случилось, даже она не смогла сказать.

– Вину чувствуешь за это. Все эти годы так и живешь с нею, – заключила женщина. – Вина и толкнет тебя в опасность. Но не ищи, что там случилось! Беги. Беги прямо сейчас! Не возвращайся туда!

– Тот человек умер? – спросил Иван, думая о Пономаре. –

Или жив?

Но цыганка, не дав ему ответа, вдруг резко встала. Зашуршали юбки, пробуждая Ивана от наваждения. Мотнул он головой, то ли не желая принимать услышанное, то ли стремясь избавиться от навязанного ему общества, а скорее, и то, и другое.

– Проедешь ты, соколик, – сказала женщина вдруг совершенно будничным, но лишенным сожаления голосом. Будто не она сейчас торопливым захлебывающимся шепотом вещала о том, что было. Иван вздрогнул, приник лицом к стеклу, пытаясь в выплеснувшейся на окрестности темноте разглядеть ориентиры. А когда повернулся, цыганки и след простыл. Будто и не было ее вовсе. Может, и правда привиделась? Просто приснилась, когда он задремал? Впрочем, зря на это Иван понадеялся: пакет с пирожками со скамьи исчез. Унесла его цыганка с собой, видимо, в качестве оплаты за «предсказание». Иван суетливо, в нарастающей панике сунул руку себе за пазуху и с облегчением перевел дух, нащупав там бумажник и телефон. А затем улыбнулся, вообразив, что цыганка раздаст пироги малым чумазым ребятишкам. Пусть им радость будет. Но улыбка тут же сползла с его лица, как только он услышал объявляемую машинистом следующую станцию: платформа 82-й километр. Какая еще, к черту, платформа 82-й километр?! Городок, в котором проживал Иван, находился к столице ближе. Да и, насколько он помнил, следующая станция после его называлась совсем

не так. «Проедешь ты, соколик», – вспомнилась ему фраза, брошенная цыганкой на прощание. Заговорила, обманщица! Иван тихо выругался себе под нос и вышел в тамбур. Ничего не остается, придется выходить там, где выпустят. Он снова выругался, на этот раз уже на себя – за непредусмотрительность: ну что ему стоило снять побольше налички накануне? Ну и что, что торопился. Мог бы заскочить к банкомату. Издержки того, что всегда и везде он привык расплачиваться карточкой, наличку снимал редко и понемногу. Вот и последние деньги потратил на билет и пирожки. А как теперь быть, ведь скорей всего придется ловить попутку? Даже пирожков нет – чем расплачиваться? Но неожиданно ему стало весело, так, что он тихо засмеялся. Вот тебе и приключения! Нескучный квест выходит. Хорошо хоть родителей не предупредил, а то мать ждала бы его к определенному часу и волновалась.

Электричка наконец-то остановилась, и Иван вышел на пустую платформу. Первое, что он увидел – это густую черную стену леса перед собой, за которой не проглядывало ни одного строения. Электричка уехала, и мужчина к своей досаде убедился в отсутствии на противоположной стороне второй колеи. Приключение перестало нравиться. Платформу освещало лишь два фонаря, но вдруг в желтом круге вокруг одного из них Иван увидел сгорбленную фигуру какого-то мужика, одетого, не смотря на август, то ли в толстую куртку, то ли в тулуп.

– Эй! Погодите! – закричал Иван, обрадовано устремившись к мужичку. Тот услышал его и обернулся.

– Незадача приключилась. Проехал свою станцию, – придав голосу нарочитой веселости, пояснил Иван. – Не скажете, как назад добраться? Где тут электричка на столицу останавливается?

– Тут и останавливается, – кивнул мужик на рельсы. – Другой платформы нет. Поезд туда-сюда ездит. Только редко проезжает и уж тем более останавливается. Раньше завтра на столицу не пойдет.

– Вот черт, – выругался Иван. – А какой другой транспорт есть?

– Автобус. И тоже редко, – ответил мужик и почесал косматую голову.

– И тоже не раньше завтра, – понял Иван.

– Ага.

– А поселок это какой? Что-то я такого не знаю.

– Немудрено, – усмехнулся мужик. – Тут всего три халупы и две из них – цыганские. Леса и болота. Сюда по осени грибники приезжают. И ягодники за клюквой. А тебе куда надо?

Иван назвал свой поселок.

– Тю! – обрадовался мужик. – Я уж думал, ты совсем потерялся. А ты в каких-то десяти километрах! По-соседству твой город.

– А что я такой платформы не знаю? Помню, что следую-

щая станция была «Лесные озера».

– Так оно и есть! Эта ветка – как отросток между этими двумя. Электричка по ней редко ходит, обычно по прямой проскакивает. Сюда лишь раз в сутки заезжает.

– Понятно, – вздохнул Иван. – Десять километров, говоришь? За три часа, думаю, дойду.

– Иди по шпалам, никуда не сворачивай, тем более в лес. Шоб в болоте не увяз. И с цыганами не заговаривай. Они тут ушлые. Хотя вряд ли в этот час тебе встретятся.

– Одна встретилась, – невесело усмехнулся Иван. – Она и заболтала так, что я свою станцию проскочил. Спасибо, отец! Ты прости, отблагодарить нечем: денег ни копейки.

– Не после встречи уж с цыганкой? – усмехнулся мужик.

– Можно и так сказать.

– Могла бы и без штанов оставить. И очнулся бы не тут, а еще где дальше. Ну, давай, иди с богом! По рельсам, никуда не сворачивая!

– Спасибо, друг! – снова поблагодарил Иван и спрыгнул с платформы на путь.

Мобильный, которым он поначалу легкомысленно подсвечивал себе дорогу, разрядился через час, оставив хозяина с ощущением, что оборвалась последняя паутинка, связывающая его с цивилизацией. К счастью, ночь выдалась лунной, но в те моменты, когда облака наползали на сливочно-желтый диск, мир словно окунался в чернила, и Ивану приходилось замедлять шаг. Ни усталости, ни ночного холода он не

чувствовал. Адреналин и острое желание поскорее добраться до родного дома придавали ему сил. Иван только изредка бросал взгляд на свои часы с подсветкой, высчитывая по времени, сколько километров прошел и сколько ему еще может оставаться. Когда он миновал середину пути, сделал первую паузу. От быстрой и долгой ходьбы проснулся аппетит, и Иван пожалел об унесенном цыганкой пакете с пирожками. Сейчас бы пригодились: не только бы утолили голод, но и скрасили монотонную дорогу. Он вздохнул и зашагал вновь по колее, но уже не с прежним энтузиазмом, а с неприятным ощущением, что шагает по кругу. Пейзажи оставались без изменений: колея тонула в берегах смешанного леса, высокий частокол прямых стволов сосен, стоявших во втором эшелоне за березами и осинами, начинал давить, и Иваном все чаще стало овладевать чувство, что он заперт в гигантской клетке и никогда из нее не выйдет.

Когда по его подсчетам до города оставалось ходьбы с полчаса, он столкнулся с неожиданной проблемой: от пути, до этого раскатывающегося одноколейным полотном, отсоединилась другая ветка. Иван, вспомнив слова мужика про никуда не сворачивать, продолжил идти по основному пути. Лес начал редеть, превращаясь в посадку из уже только лиственных деревьев. И через какое-то время к своей радости мужчина заметил в свете луны первую постройку. То была кирпичная «коробка», которая имела какое-то техническое предназначение. Но Иван обрадовался ей так, словно увидел

жилой дом. Путь разветвился на несколько линий, проложенных рядом, но мужчина упрямо продолжал идти по выбранной колее. Какая-то мысль, как тревожный сигнал, который никак не удавалось поймать, немного отравляла радость от окончания долгой дороги. И только когда Ивану вместо ожидаемого светофора встретился похожий в темноте на висельницу семафор, а затем – первый столб опоры без проводов, мужчина понял, что его беспокоило: впереди не было света. Семафор, обесточенные опоры, замерший навечно на параллельных путях остов ржавого локомотива – и Иван понял, что хоть он и пришел в свой город, но вышел не к действующей станции, а к заброшенной. Мужчина коротко выругался, с непечатным словом словно сплюнув свою досаду, и мысленно прикинул путь, который оставался ему до дома. Ерунда! Главное, он уже пришел в город. Остается выбраться со станции, дойти до шоссе, а там можно будет и попутку поймать. Да даже если и пешком – это уже не через лес добрый десяток километров махать. Хоть в родном поселке еще и остались такие районы, которых ночью лучше избегать.

Размышления Ивана о том, какой путь дальше выбрать, оказались прерваны самым неожиданным образом. Тишину вдруг разорвал истошный женский вопль, в котором первородный ужас смешался с криком о помощи. И мужчина, проклиная свои рыцарские порывы, но отмахиваясь от предупреждений здравого смысла, побежал на голос.

3

Ева пришла в себя глубокой ночью. Она открыла глаза, но в первый момент ничего не увидела. Только поняла, что сидит, привалившись спиной к чему-то холодному. Девушка осторожно пошарила рядом с собой руками и наткнулась ладонями на колкую сухую траву и мелкие камешки. Тогда она осторожно наклонилась вперед, протянула руку себе за спину и нащупала сзади шершавый камень. К счастью, в этот момент туча сползла с луны, и этого приглушенного света оказалось достаточно, чтобы немного разглядеть обстановку. Первой, что Ева увидела перед собой, оказалась толстая плита на опорах. Под плитой кустились густые заросли, а отдельные высокие стебли пробивались сквозь растрескавшийся бетон. Девушка осторожно встала на ноги и испуганно охнула, когда ее качнуло. Затылок ныл тупой болью, голова кружилась, и Еву немного подташнивало. Удар по голове не прошел для нее бесследно. Наверняка неизвестный похититель организовал ей легкое сотрясение. Вспомнив о том, что случилось, Ева насторожилась. Не исключено, что ее похититель может находиться неподалеку. Девушка прислушалась, но не услышала даже шороха. Немного осмелев, она сделала несколько шагов по направлению к плите, но по пути споткнулась о выступающую из земли широкую доску. Куда ее занесло? Глаза немного привыкли к сумраку, и Еве

удалось разглядеть, что плита довольно широкая и длинная, бескрайно тянется в обе стороны. Платформа! Эта плита – не что иное, как железнодорожная платформа. А доска, о которую Ева споткнулась, на самом деле – выступающая шпала. Значит, ее отвезли на какую-то станцию и бросили. Спасибо, что не на рельсах оставили! Представив себе, что ее могли бы уложить на пути, Ева похолодела от ужаса, но тут же приказала себе не раскисать. Пока ничего кошмарного не случилось. Ее только заманили в ловушку и оставили на какой-то станции. Нужно выяснить, где она находится. И позвонить. Позвонить! Ева бегом, рискуя споткнуться, вернулась к тому месту, где сидела, и зашарила руками по камням и траве в поисках своей сумочки. Надежды мало, но вдруг. В сумке были телефон, кошелек, паспорт и небольшая бутылочка с водой. Все, что ей сейчас необходимо. Счастье хоть, что ключи она по старой привычке сунула в карман.

Ева искала свои вещи с таким рвением, будто в них был единственный шанс на спасение. Только с каждым обследованным метром шансы на то, что сумку удастся найти, таяли, и в итоге девушке пришлось признать поражение. Ничего, главное, выбраться отсюда. Потом, дома и при дневном свете, она подумает и о том, как восстановить потерянный паспорт, и о покупке нового телефона. Кошелек только жалко: подарок Тины, выбранный с любовью. Очень удобный, мягкий и недешевый. Сестра отдала за него все свои сбережения. И в свете пропажи сестренки любая вещь, напомина-

ющая о ней, увеличивалась в цене в сотни раз.

Мысли о кошельке и Тине, как ни странно, взбодрили и придали сил. А что если это похищение было вовсе не ловушкой, и Еву на самом деле привезли туда, где находится ее сестра?! Девушка отряхнула испачканные ладони и вернулась к платформе. Нужно выяснить, где она находится, и исследовать по возможности все постройки.

Ева бежала по колее, придерживаясь за край платформы и вслушиваясь в плотную тишину августовской ночи. Но не столько прислушивалась к возможному гудению приближающегося поезда, сколько слушала, чтобы не пропустить стона, крика или другого зова на помощь. Наконец она увидела полуразрушенную лестницу с шаткими металлическими перилами и, не раздумывая, поднялась на платформу. Отсюда, с высоты, как со сцены она смогла увидеть все лучше. Прямо напротив на дальних путях виднелся корпус электрички, в потемках показавшийся похожим на тушу дремлющего гигантского животного. Чуть дальше – вросшие в землю темными окнами постройки. За спиной высились вымахавшие в полтора человеческих роста кустарники, чьи ветви вылезали на платформу, цеплялись за погнутые перила, словно руки. Еве стало не по себе. Она только сейчас задумалась, почему на этой платформе царят такие тишина и темнота. И только когда подошла к кассовой будке и увидела перед собой заколоченное окно, поняла, что находится на недействующей станции. Что ж, одна из задач – понять, где она

находится, оказалась решенной. Правда, облегчения это не принесло, потому что добираться отсюда до дома окажется еще тем приключением: станция, в отличие от действующей, находилась практически за городом. Может, потому ее и закрыли в свое время, что добираться до нее было неудобно? Вторая сложность, которая ожидала Еву – слишком большое количество построек. Тину могли привезти в любую из них, и хорошо, если это окажется маленькая будочка стрелочника, а не огромное депо или склад. Ева вспомнила видео с сестрой, которое ей на днях прислали, и подумала, что его вполне могли снять тут, на фоне кирпичной стены. Может, начать с поиска той самой стены? Жаль, что так темно. Как жаль, что потерялся мобильный! Ева могла бы позвонить сейчас следователю и рассказать ему о своих злоключениях. Но ничего не поделаешь. Она останется и будет искать Тину сама. Вдруг сестренке требуется срочная помощь? Ева огляделась и решила начать с кассовой будки.

– Тина? Тина, ты здесь?

Никто не отозвался на ее зов и стук. Ева для надежности покрутилась возле будки, заглядывая в щели между досками на окне, но ничего, конечно, не увидела. И вдруг она заметила в маленькой будочке у начала платформы отблеск света. Сердце заколотилось от радости. Ева побежала на свет, даже не задумавшись о возможной опасности. Не думала она и о том, что может сломать ногу, когда прыгала с платформы. Все ее мысли, предосторожности и инстинкты трансформи-

ровались в одно имя, которое билось в висках разгоряченной кровью и ухало в груди всполошенным надеждой сердцем – Тина. Перескакивая через рельсы и чудом не оскальзываясь на шпалах, Ева бежала к будке, держа взглядом, как на прицеле, маленький освещенный прямоугольник. Еще издали она увидела, что за постройкой высится полуразрушенная кирпичная стена и не смогла сдержать радостного возгласа. Сестра должна быть там! Там, в этой будке, неподалеку от которой виднелся выступающий из земли рычаг для ручного перевода стрелок. Может, в том домике до сих пор продолжает жить стрелочник, который и приютил у себя пятнадцатилетнюю девочку? Ева с ее природной святой верой в людей даже не могла предположить ничего плохого, к примеру, что стрелочник удерживает девочку силой. Нет, в ее представлении тот был добрым спасителем ее сестры.

Запыхавшись, Ева подбежала к домику и припала лицом к крошечному окошку. Вначале она ничего не увидела, потому что свет ослепил ее. Затем, когда глаза смогли адаптироваться, сумела разглядеть в скудно освещенной единственной лампочкой без абажура комнате небольшой стол с квадратной столешницей. На столе на сложенной в несколько раз газете, служившей подставкой, стоял темный чайник с выгнутым носиком и поднятой ручкой. Прямо на столешнице высился стакан в металлическом подстаканнике и, рядом, россыпь сахарных кубиков в блюдце. Кто-то готовился пить чай. Ева вытянула шею, силясь разглядеть что-то еще. Ра-

ма узкого окна слишком ограничивала ей обзор. Но девушке удалось рассмотреть и застеленный клетчатым пледом диван, и лежащую вверх корешком на нем потрепанную толстую книгу. Что там было еще, в этой маленькой комнате, увидеть она не успела, потому что в этот момент почувствовала легкое прикосновение к плечу, так, словно кто-то положил на него ладонь и тут же убрал. Ева резко оглянулась и лицом к лицу столкнулась со стоявшим за ее спиной высоким худым мужчиной. Девушка испуганно вскрикнула, и тут глаза мужчины вспыхнули и засветились, словно у кошки в темноте, только не зеленым, а белым «огнем». Губы его растянулись, явив в жуткой ухмылке кривые, кое-где прореженные зубы. На Еву сильно пахнуло гнилью. Она издала клокочущий звук, от испуга не в силах закричать. И только когда страшный мужчина поднял худую руку с обтрепанным по краю рукавом с намерением вновь коснуться девушки, пронзительно завизжала и второй раз за эти сутки потеряла сознание.

****

Молодую женщину Иван нашел возле будки стрелочника: та лежала, неловко подвернув под себя одну руку и закинув вторую на стену домика. Мужчина склонился над незнакомкой и коснулся ладонью ее щеки, а затем слегка похлопал по плечу:

– Эй? Барышня?

Как приводить в чувство находившихся без сознания дам, он совершенно не знал. В памяти всплыло смутное воспоминание со школьных уроков, что, кажется, нужно поднести к носу пострадавшей ватку, смоченную в нашатырном спирту или кусочек паленой шерсти. Ни шерсти, ни зажигалки, ни, тем более, нашатырного спирта под рукой у него не было. Поэтому Иван снова похлопал незнакомку, на этот раз уже по щеке, и позвал громче:

– Девушка? А, девушка? Очнитесь!

Ничего глупее не придумаешь. Иван подумал, что эта ночь, пожалуй, побила все рекорды по экстравагантности, включая ночное купание в проруби три года назад. Он уже представил себе, как будет пересказывать события, начиная с покупки пирожков (дались же они ему!) своим приятелям в ирландском пабе под густое темное пиво и острые закуски. Леонид, конечно, поинтересуется, насколько симпатична была валяющаяся на пороге будки незнакомка. Макс в ответ, чтобы не ударить лицом в грязь, постарается припомнить некий случай из собственной жизни. А вот что может сказать третий в их компании, Андрей, Иван не успел придумать, потому что девушка вдруг пошевелилась и тихо застонала. Но затем резко села и завизжала так, что мужчина невольно зажал ладонями уши.

– Эй, красотка, хватит вопить! – сердито выкрикнул он, стараясь перекрыть вопль. Судя по реакции девушки, ее при-

ключения в эту ночь оказались похлеще его собственных. – Ничего я вам не сделаю! Помочь пытаюсь!

Девушка замолчала так же внезапно, как разразилась до этого криком. Только всхлипнула как-то странно и испуганно огляделась вокруг.

– А… он где? – выдавила она, наконец, севшим то ли от крика, то ли от испуга голосом.

– Кто?

– Тот, со светящи… Впрочем, не важно. Кто вы?

– Кто я? Прохожий. Мимо шел, а тут вы кричите. Поспешил вам на помощь.

– А вы точно не?.. – спросила незнакомка и опять оборвала себя на полуслове. – Как это – мимо проходили? Здесь мимо не проходят. Это заброшенная станция. Случайно тут не оказываются!

– Оказываются, если проезжают свою остановку и десять километров топают по путям пешком, а затем на развилке сворачивают не туда. Такое объяснение вас устроит?

Она тихо вздохнула и, кажется, улыбнулась. Кажется, потому что Иван не смог хорошо разглядеть ее лица.

– Встать сможете? – спросил он, протягивая девушке руку.

– Да, – ответила она, но, прежде чем принять помощь, помедлила.

– Вы точно в порядке? – встревожился Иван, потому что девушку слегка качнуло. Но запаха алкоголя от нее не исхо-

дило.

– Голова немного кружится. И болит. Меня… до этого чем-то оглушили. И привезли сюда.

– Кто?

– Не знаю. Долгая история.

– Вот по пути мне ее и расскажете. Вам нужен врач?

И откуда в нем такие рыцарские чувства взялись? Положа руку на сердце, Ивану меньше всего хотелось возиться с незнакомой девицей, узнавать про ее приключения и уже тем более сопровождать к врачу. Больше всего на свете ему хотелось оказаться в родительском доме, выпить горячего чаю, который обязательно заварит, не смотря на ночной час, мама. Или, еще лучше, навернуть тарелку горячих щей со сметаной, которые наверняка окажутся в холодильнике: отец обожал щи, и мать готовила их постоянно, то с кислой капустой, то со свежей, то «красные» с томатом.

– Нет, обойдусь. Я хочу домой, – ответила девушка так просто, без истерики и слезы в голосе, что Иван невольно проникся к ней сочувствием. И даже вновь подал ей руку, когда они перелезали через какие-то балки, направляясь к нужной тропе. Девушка руку приняла, но, справившись с препятствием, выпустила.

– Как вас зовут? – спросила она вместо благодарности.

– Иван.

– Иван? – ее голос слегка дрогнул. В свете луны мужчина заметил, как девушка, повернувшись к нему, вглядывается

его профиль. А затем, заметно волнуясь, спросила:

– Вы… Вы меня не помните?

– А мы разве знакомы? – удивился в ответ Иван и попытался, насколько мог в сумерках, рассмотреть ее лицо.

– Я Ева…

– Ева? – задумался он. Имя не отозвалось узнаванием. – Простите, не помню. Мне кажется, такое имя я бы запомнил.

– Извините. Обозналась, – смутилась девушка, но в ее голосе послышались разочарование и даже горечь.

– Бывает. Так что с вами приключилось?

Она вздохнула и начала рассказывать – не с этого вечера, а с того утра, когда пропала ее сестра. Иван слушал, не перебивая, даже не зная, что сказать в утешение. Но когда Ева сказала о вечернем звонке и о том, как собиралась на встречу, не выдержал и довольно резко заметил:

– Сглупили вы!

Она не обиделась, только тихо согласилась:

– Да, сглупила. Но как бы вы поступили на моем месте? Если бы мне даже пришлось расстаться с собственной жизнью ради спасения Тины, я бы это сделала, не задумываясь. Где-то в глубине души я надеялась, что мне сказали правду и не подготовили никакой ловушки.

– Однако обошлись с вами тоже как-то… странно, – заметил Иван. – Не понимаю, что хотели этим «сказать».

– Я искала Тину на станции. Понимаете, надеялась…

Она резко отвернулась и быстро вытерла ладонью глаза.

Иван громко вздохнул.

– Давайте я поймаю попутку и отвезу вас домой. Если, конечно, вы не желаете заехать в травмпункт. После такого удара, который вам нанесли, вполне возможно…

– Я в порядке! – отрезала девушка.

– Ну, если настаиваете. Хотя вам настоятельно нужно обратиться в полицию, – сказал Иван и, заслышав шум мотора, поднял руку.

Ева назвала адрес водителю, а затем отвернулась к окну и промолчала всю дорогу. Иван ее не трогал. Только иногда бросал встревоженные взгляды на ее профиль и с тревогой отмечал, что девушка нездорово бледна. Похоже, переживания, удар и «приключения» не прошли для нее бесследно. Зря она отказалась от медицинской помощи. Ивану было бы спокойнее, если бы девушку осмотрел врач. Но спорить больше он не желал. Наконец машина въехала во двор и остановилась напротив стандартной девятиэтажки. Ева обернулась к Ивану и впервые за время дороги нарушила молчание:

– У меня нет с собой денег. Я потеряла сумочку. Подождите, я поднимусь к себе за…

– Ева, прекращайте эти глупости, – раздраженно перебил Иван. – Я верю, что вы вполне способны за себя заплатить. Но сейчас не те обстоятельства.

– Хорошо, – покладисто согласилась она. – Спасибо. За все.

Ева открыла дверь и выбралась наружу. Иван выглянул,

чтобы проследить за девушкой взглядом – просто так, дабы убедиться, что она без приключений пересекла двор, и увидел, что ее качнуло.

– О черт, – тихо выругался он и обратился к водителю:

– Подожди меня здесь, брат. Провожу девушку до квартиры и спущусь. Пять минут! Не боись, без оплаты тебя не оставлю. Даю слово.

Иван выскочил из машины и вовремя успел подхватить Еву под локоть, потому что ту снова качнуло.

– А говорила, что с тобой все в порядке, – от смеси закипающего раздражения и неожиданного сочувствия к этой несчастной он как-то незаметно перешел на «ты». – Пойдем уж, отведу тебя.

Девушка с благодарностью оперлась на его подставленную руку. И так они, словно подгулявшая в ресторане парочка, осторожно дошли до подъезда, а затем принялись пешком, потому что не работал лифт, подниматься на пятый этаж. Иван не мог отделаться от ощущения, что и этот двор, и здание, и подъезд ему знакомы. Но подобных девятиэтажек в районе – целый частокол. Мог и обознаться. На четвертом этаже он бросил взгляд на одну из дверей и в какой раз подивился тому, что жизнь способна выкидывать такие карточные комбинации. Похоже, судьбе так угодно, чтобы он в эти дни думал о Долговязом, Володьке и Пономареве.

– Здесь когда-то жил один мой друг, – пояснил Иван Еве.

Она кивнула, будто знала, кого он имел в виду. А может,

и правда знала. Не могла не знать. Ева была ровесницей или немного младше самого Ивана. Возможно, они на самом деле когда-то виделись – случайно столкнулись в этом подъезде, когда он приходил к Долговязому. Иван еще раз, уже внимательней, скользнул взглядом по профилю Евы. Ее вполне можно было назвать симпатичной, только вот внешность у нее была неяркая. Черты вроде и правильные: тонкий нос, высокие скулы. А незапоминающиеся.

– Что это?! – воскликнула вдруг Ева, когда они поднялись на ее этаж.

– Кости. Игральные кости, – ответил Иван, разглядев на коврике у одной из дверей россыпь белых кубиков. – Похоже, кто-то решил сыграть с тобой в игру.

Сказал и осекся, сложив два случая в один. Но Ева, опередив его, уже присела над ковриком, рассматривая кубики.

– Единицы, – с сожалением произнес Иван, увидев выпавшие номера.

– Критический провал, – неожиданно поняла его Ева, выдав тем самым в себе «ролевика».

– Так ты… – начал он. Но девушка, торопливо собрав кубики в ладонь, уже выпрямилась и решительно произнесла:

– Спасибо, Иван! Всего вам доброго.

– Погоди, Ева…

– Вас ждет такси, забыли? Не заставляйте человека так долго ожидать.

Похоже, она его прогоняла. Только с чем оказалась связа-

на такая резкая перемена в ее поведении, Ивану понятно не было. Но Ева была права: его действительно ждали. Он едва успел попрощаться, как дверь в квартиру уже захлопнулась. Иван пожал плечами и недоуменно хмыкнул.

Встреча с этой девушкой невольно вновь вернула его в воспоминаниях в те времена, когда они собирались на квартире Долговязого. Их компания изначально была мужская, но потом появились три девушки. Одну из них Иван помнил. А вот образы двух других стерлись, потому что он путал их из-за казавшейся ему похожей внешности, созвучных имен и потому, что обе девушки играли блестяще, всегда предлагали неожиданные и интересные ходы. Может, потому Иван и не запомнил их по отдельности. А, может, просто не видел их, ослепленный и оглушенный красотой другой – той, для которой в те времена хотелось быть Рыцарем и Принцем в одном лице и которую мечталось спасать и от Драконов, и от Орков, и от всех злодеев вместе взятых.

– Брат, притормози вон там, – обратился Иван, заметив банкомат, к водителю.

Но даже снимая наличку, он не переставал думать о Борисе, Пономаре и Володьке. Иван вспомнил, словно это было вчера, с какой радостью Долговязый сообщил им, что старая станция действительно хранит удивительные секреты. Но какие – так в тот вечер и не рассказал, попросил зашумевших ребят дать ему немного времени выяснить подробности. Только вот потом он заболел на целых две томитель-

ных недели. Ребята понимали: у Бориса больное сердце. И тревожились. И звонили по телефону его отцу справиться о здоровье Бориса. Семен Васильевич успокаивал их, что ничего страшного, но они все равно волновались. А когда все наконец-то собрались в знакомой квартире за большим «гостевым» столом, выяснилось, что Долговязый изменил свои планы. Выглядел он неважно: глаза его будто погасли, голос звучал тихо, но вместе с тем решительно. Что случилось в те две недели его болезни, никто так не узнал. Только Борис вдруг категорично отверг идею, которую сам же и предложил: игры на старой станции не будет. Иван помнил, как возмущенно загалдели все собравшиеся, как отдельные выкрики тонули в общем гаме несогласия. Только Борис оставался непоколебимым: хотят ребята «полевку» – будет. Но не на станции. В тот же вечер, когда они с Володей вдвоем возвращались домой, друг неожиданно обронил: «Знаешь, а ведь Долговязый врет. Вовсе он не болел. Я видел его в те дни два раза. Когда он якобы лежал в больнице. Выходил он из дома и шел на автобусную остановку. В первый раз я его не окликнул. А когда увидел ожидающим автобус во второй раз, подошел». «И что?» – заинтересовался Иван. «Да ничего! Начал какие-то отмазы лепить. Что типа его из больницы на день отпустили. И что возвращается. Я не стал ему говорить, что во второй раз его вижу. Странно это, а?». «Да ладно, может, его и правда дважды домой отпускали», – встал на защиту Долговязого Иван. «И все равно странно», – не сдал-

ся Володька, и Иван мысленно с ним согласился, потому что поведение Бориса и ему показалось необычным. Взять хотя бы то, как Борис в тот вечер резко, что было совершенно не в его характере, ответил Пономарю на настойчивые расспросы о причине отмены игры на станции. «Не лезь туда, Витя! Старая станция сама по себе опасна – вот и вся причина».

Тогда все эти детали не показались Ивану важными. Но сейчас вдруг вылезли ежистыми колючками, вцепились репьями в мысли. Что на самом деле случилось в том далеком уже две тысячи первом году? И что узнал недавно, три месяца назад, Володя, когда одним поздним вечером позвонил Ивану и сказал: «Мне кажется, я знаю, что случилось тогда с Пономарем. Давай встретимся!». Похоже, ему было очень важно поговорить с Иваном на неприятную для обоих тему. Только в тот вечер Иван не смог увидеться с другом. А ночью раздался звонок из полиции, который принес страшное известие о гибели Володи. Несчастный случай: закурил человек в постели, нечаянно уснул и сгорел в возникшем пожаре. У Вовки и правда была вредная привычка иногда курить, лежа на диване. Только вот у Ивана где-то внутри все же свербило неверие: какое-то фатальное совпадение, что друг погиб именно в ту ночь, когда хотел сообщить что-то важное. «Иван, не надо. Это несчастный случай», – уговаривал он сам себя. И все же, все же…

И опять он, как в порочном круге, вернулся мыслями к Еве. На какой-то абсурдный момент Иван даже подумал, что

сегодняшняя встреча на заброшенной станции была не случайной, а подстроенной кем-то. Подумал так и усмехнулся нелепости этой мысли. Вряд ли тот, кто ударил молодую женщину по голове и зачем-то привез ее на станцию, знал заранее, что Иван проедет свою остановку и пройдет три часа по путям. Но даже если не брать во внимание абсурдность этого предположения, между приглашением на «ужин воспоминаний» и рассыпанными на коврике девушки игральными костями Ивану виделась связь – прямой намек на те времена, когда они с Евой могли видеться в квартире Долговязого во время ролевых игр.

– Здесь сворачивать или в следующий проезд? – вывел его из задумчивости вопросом водитель. Иван всмотрелся в темноту и сказал:

– Здесь.

Во дворе их частного дома залаяла собака – молодой пес, которого родители взяли недавно на смену умершему от старости Тузу. Иван тихо посвистел, желая угомонить пса, и позвал того по имени:

– Ларс, Ларс, свои! Тихо, тихо, всех перебудишь!

Пес, узнав его голос, заскулил теперь уже от радости, заюлил, путаясь под ногами, упал на спину и подставил Ивану для ласк живот. Мужчина потрепал собаку по белому шерстяному брюху, позволил лизнуть себя в щеку и пообещал гостинец. В этот момент в темных окнах дома вспыхнул свет: разбуженные лаем собаки родители решили узнать, кто на-

рушил их покой.

Мать ожидаемо всполошилась, когда увидела сына на пороге в такой час. Пришлось спешно объяснять про сломавшуюся машину и то, что проехал станцию. Правда, дальнейшие приключения Иван от мамы утаил, сказал, что поймал попутку. Мать ожидаемо запричитала, что ездить ночью с незнакомцами опасно. Даже если ты уже давно не подросток, а крепкий здоровый мужик тридцати двух лет. Но, не смотря на причитания матери, Иван видел по ее глазам – рада. Рада его приезду. Отец же пожал ему руку и довольно улыбнулся в еще не седые усы. А у самого Ивана, когда он увидел родителей, от сердца отлегло: как бы он ни хорохорился перед самим собой, та странная и страшная записка, которой его «вызвали» в родной дом, все же заставила его поволноваться.

– Ложитесь, ма. Я сам тут. Чаю попью и тоже лягу.

– Так я тебе чайник вскипячу! – засуетилась мать. И Ивану пришлось сдаться: мама все равно не уйдет спать, пока не накормит его. Да и можно ее понять: видит она единственного сына нечасто, скучает и беспокоится.

– Мама, а что у вас тут за история с пропавшей девочкой-подростком недавно приключилась? – спросил Иван, когда перед ним на столе появилась миска с дымящимися щами (как он и предполагал, чаем дело не обошлось).

– Ой… Весь город всполошен, – всплеснула руками мама и начала рассказывать. Иван слушал молча, прихлебывая

ложкой горячие щи и отламывая от толстого ломтя хлеба маленькие кусочки. Щи были такими вкусными, ароматными и горячими, что ему просто хотелось молчать в тишине, жмуриться от удовольствия и полностью отдаваться еде. Но он сам спросил. А матери так хотелось рассказать ему все поселковые новости, что прерывать ее он уже не решился.

4

Нужно было что-то делать. Отправить сообщение следователю, написать руководителю поисковой группы, позвонить, как настаивал Иван, в полицию. Что-то делать, но не стоять посреди прихожей безмолвной обездвиженной статуей, не в силах даже поднять руку, чтобы потереть раскалывающийся от боли затылок и проверить, а заперта ли дверь. Но Ева и правда будто окаменела – не только снаружи, но и внутри. Иначе как объяснить то, что мысли двигались тяжело и неловко, словно сыпались булыжники, и в голове раздавался приглушенный грохот, похожий на тот, который бы издавали соприкасающиеся друг с другом каменные грани. Только боль прорезалась сквозь непробиваемую, казалось бы, толщу настырным ростком и расходилась трещинами от затылка к вискам. Наверное, все же лучше лечь. А то вдруг голова, наполненная камнями, станет такой неподъемной, что Ева сломается под ее тяжестью. Ей стоило великих усилий сдвинуться с места, поднять отяжелевшую ногу и сделать первый шаг. Кое-как она добрела до своей комнаты и упала в кровать прямо поверх покрывала одетой. Пусть. Ничего страшного. Нет никого рядом, кто бы мог сделать замечание или просто помочь ей расстелить постель. Ева не без труда скинула кроссовки, поджала ноги и пристроила обе руки под щекой. И только тогда заметила, что держит один кулак сжа-

тым. Она разжала пальцы, и на ковер посыпались белые кубики. Игральные кости. Кто-то выманил ее из дома, ударил по голове и отвез на старую станцию специально для того, чтобы подложить ей на коврик эти кубики. Ей неожиданно стало смешно: такие глобальные вещи – и ради такой глупости.

Наверное, удар все же как-то сказался не только на ее возможности думать, но и на восприятии событий. Мир будто перевернулся вверх тормашками, вывернулся наизнанку, и значительные вещи поменялись местами с мелкими. Единственная разумная мысль, что она неправильно воспринимает вещи, заклинилась на мелочи и отодвинула в сторону важное, что на самом деле в центре событий – не игральные кости на коврике, а пропажа Тины, пробилась-таки сквозь грохот камней в голове, но вскоре оказалась подавленной. Ева прикрыла глаза, и в воображении тут же возник Иван. Вот, оказывается, причина «камнепада» в голове. Не удар по затылку, не пережитые приключения, а потрясение, вызванное встречей с тем, кого не видела пятнадцать лет.

«А Иван меня не помнит», – мазнула горечью несправедливая мысль.

Он ее не помнил – что и не удивительно. В подростковом возрасте, когда гормоны отплясывают сальсу и вертят не только чувствами, но и разумом, ждать, что самый популярный и привлекательный в округе парень обратит внимания на серую мышку, пусть и с богатым внутренним миром, но с

до обидного плоской грудью, все равно что ожидать снегопада в пустыне Сахара. Хотя, Ева слышала, будто выпадал снег и там. Но Иван ею никогда не интересовался. В том возрасте с жадностью сметается все, что лежит на поверхности, а до внутреннего мира, пусть и богатого, докопаться охотников не находится. А она его не только помнила, но и вспоминала. Нечасто, но достаточно для того, чтобы узнать в этом взрослом и стильно подстриженном мужчине того шестнадцатилетнего парня со взъерошенными темными волосами и прищуром глаз, которые имели способность в зависимости от света и настроения менять цвет от янтарного до почти черного. К своим воспоминаниями Ева каждый раз прикасалась с осторожностью, будто к крапивному стеблю, и пролистывала их быстро, не останавливаясь на обжигающих подробностях. Но все равно ее сердце ухало вниз, как на спуске с американских горок. «Осторожно, Ева», – говорила она себе, когда возникал соблазн перебрать детали, словно драгоценные бусины. «Остановись!» – приказывала, если рождалась шальная мысль поискать Ивана Селина в социальных сетях. «Не глупи», – одергивала себя, когда пыталась представить взрослого Ивана и невольно сравнивала нафантазированный образ с теми двумя мужчинами, с которыми у нее случились недолгие и несерьезные отношения. Они не виделись уже пятнадцать лет, и Иван, как Ева знала, жил в столице, но оставалась вероятность однажды с ним встретиться во время его приездов к родителям. И все же не смотря на это,

сегодняшняя встреча потрясла ее, на какое-то время вытеснила тревогу за Тину и стерла пережитый на старой станции ужас от встречи со страшным стариком.

2000–2001 год

В компанию Еву привел в один из промозглых вечеров в конце ноября Борис. Общение с соседом с четвертого этажа завязалось на базе исторических и фэнтезийных романов, которые нравились обоим. Ева как-то поднималась по лестнице, читая на ходу потрепанный томик, взятый в библиотеке, и неожиданно уперлась во что-то мягкое. Мягким оказалась толстая куртка высокого парня. Ева смутилась и растерялась. А незнакомец, засмеявшись, спросил, чем таким увлекательным она зачиталась. Они разговорились. Молодой человек оказался ее новым соседом Борисом, сыном уважаемого всеми жителями врача Семена Васильевича. Прощаясь, молодой человек предложил Еве приходить в гости и брать книги в их домашней библиотеке. Девочка воспользовалась приглашением через два дня. Ее страхи, что ей не будут рады, оказались беспочвенными. Напротив, Борис обрадовался и подвел Еву к большому книжному шкафу. Пока она выбирала роман, Семен Васильевич заварил на кухне мятный чай и пригласил гостью к столу. С того дня и повелось, что Ева раз в неделю, по пятницам, когда уже возвращался домой отец Бориса, ходила в гости к соседям, пила

с ними чай с печеньем и карамельками и обсуждала прочитанные книги. Эти вечера стали отдушиной для нее в то время, когда ее собственную семью разламывала на части случившаяся катастрофа: беременная мать убивалась по посаженному в тюрьму любовнику, а негодование и злость срывала на дочери. Ева как никогда страдала от одиночества и несправедливости, и только погружаясь в волшебный мир книг, чувствовала себя счастливой.

Однажды Семен Васильевич задержался на работе. И, может, поэтому, что ни Еву, ни Бориса не стесняло присутствие третьего человека, разговор в тот вечер между ними завязался откровенный. Они впервые заговорили не о книгах, а о личном. Ева принялась рассказывать соседу о своей жизни, проблемах в семье и о том, что пережить материнские вспышки раздражения и придирки ей помогают фантазии: она представляла себя героиней книг и разыгрывала в воображении понравившиеся сцены. Борис откровения подруги принял с большим энтузиазмом. И поделился в ответ, что из-за болезни в детстве ему часто приходилось проводить время в больнице, а в какой-то период даже перейти на домашнее обучение, поэтому друзей у него практически не было. Но спасали Бориса от одиночества книги и богатое воображение. Он тоже, как Ева, придумывал мысленно «кино», в котором был тем или иным книжным персонажем. Позже Борис узнал о ролевых играх и увлекся ими. Правда, играл он в основном в настольные из-за проблем со здоровьем. Но меч-

тал когда-нибудь провести собственную большую игру.

– Ты приходи в среду, – сказал молодой человек. – У нас уже складывается команда. Пока мы играем в настольные ролевые игры, а там, может, и «полевку» организуем. Приходи! Тебе будет интересно. Заодно новых друзей найдешь.

– А можно я приведу подругу? – робко спросила Ева.

– Конечно! Даже нужно. У нас девушек в компании пока нет.

На следующий день в школе Ева рассказала о разговоре с Борисом своей однокласснице Ульяне.

– А он симпатичный, твой сосед? – заинтересовалась та. Ульяне уже исполнилось четырнадцать, и ее превращение из худенькой девочки с острыми коленками в юную девушку с четко обозначившимися формами произошло рано и стремительно. Казалось, еще вчера Ульяна носила банты и подтягивала сползающие гольфы. А сегодня уже распустила косу, позволив блестящей лавине пшеничных волос заструиться по узкой прямой спине, сменила плиссированную серую юбку на обтягивающую упругие ягодицы джинсовую мини, выставила напоказ длинные стройные ноги в тонких колготках и ярко накрасила губы. Стоит ли говорить, что Ульяна, оформившаяся как молодая женщина уже в ее четырнадцать, налитая соком, словно аппетитное молодое яблоко, вызывала у противоположного пола активный интерес. Девочки продолжали дружить по инерции, хоть общего между ними уже было мало: Ева еще жила в мире кукол, книг

и нафантазированных историй, подруга же от невинных сексуальных грез уже желала перейти к нецеломудренной практике. Ульяне было выгодно дружить с отличницей Евой, потому что та всегда могла выручить на уроках и дать списать домашнюю работу. К тому же на фоне невзрачной худенькой подруги привлекательность юной красавицы вспыхивала особо ярко. Ева же, в глубине души догадываясь, что на самом деле бескорыстно дружит в одни ворота, не торопилась рвать эти отношения и потому, что больше подруг у нее не было, и потому, что Ульяна рассказывала ей о том неизведанном и пока запретном мире, о котором Ева имела представление лишь по книгам. Женщина в ней еще только начинала просыпаться – через невинные грезы о книжных героях и романтичных поступках, которые бы совершали ради нее отважные рыцари. Ульяна же с усмешкой рассказывала Еве о том, что не стоит ожидать от мальчишек героизма, и на самом деле желания их примитивны до смеха – зажать понравившуюся девочку в углу и, как грубо выражалась Ульяна, «облапать». Ева и сама видела, как мальчишки-ровесники на переменках норовили задрать какой-нибудь симпатичной однокласснице юбку. Девочки визжали под довольный гогот мальчишек, а Ева замирала от ужаса, боясь даже представить себе, что так унизительно могут поступить и с ней. Подруга же, если видела подобное, презрительно цедила сквозь зубы:

– Дебилы.

Ровесники Ульяну не интересовали. Подруга мечтала за-

вязать отношения с парнем старше ее. Поэтому вопрос про привлекательность Бориса не слишком удивил Еву, но поставил в тупик. Общаясь с соседом, девочка никогда не обращала на него внимания как на молодого человека. Борис был для нее старшим другом, разделявшим с нею книжные интересы. Был ли он симпатичным? Наверное, да – когда с увлечением делился с Евой впечатлениями о последней прочитанной книге. Тогда его светлые глаза будто впитывали в себя небо, становясь насыщенного цвета, а бледные щеки окрашивались в яркую зарю румянца. Да, в такие моменты Борис становился даже красивым. Ева так и попыталась объяснить Ульяне. Но подруга внезапно рассмеялась:

– Поня-ятно. Ботаник. Он, может, и очки носит?

– Ну… Когда читает, – стушевалась Ева.

– Да уж! – скривила накрашенные губы Ульяна. – Наверняка на его вечеринках скука смертная. Нет уж, нет желания тащиться к этим чудикам-эльфам и светлым лютикам!

Идти одной в незнакомую компанию, к тому же мужскую, Еве было страшно. С ней редко заговаривали мальчики, и чаще всего это были одноклассники, которые просили списать домашку. Поэтому оказаться в компании незнакомых парней, которые станут ее рассматривать, возможно, потешаться, для Евы было равносильно выходу на арену с молодыми львами. Она уже собиралась позвонить соседу и отказаться от приглашения, как Борис опередил ее. Словно почувствовав, что соседке будет сложно решиться, он лично зашел за

ней. Чтобы приободрить девочку, сказал, что купил в кондитерской вместо повседневного печенья пирожные и свежие шоколадные конфеты. И пообещал не дать ее в обиду.

Борис слово сдержал. Когда он привел Еву в комнату, в которой вокруг большого стола уже собралось около десяти подростков, то представил им гостью с такой теплотой, словно представлял кого-то очень дорогого ему.

– Это наша Ева, – сказал он, местоимением «наша» подчеркивая то, что девочка не просто случайная гостья, а один из важных членов команды. – Прошу любить и уважать.

Кто-то хмыкнул в ответ, не разделяя просьбы хозяина «любить и уважать» незнакомую девчонку. Кто-то усмехнулся. Кто-то, скользнув по лицу и фигуре гостьи взглядом и не заинтересовавшись, со скучающим видом отвернулся к окну. Кто-то, желая угодить хозяину, улыбнулся Еве быстрой вежливой улыбкой. Ее опасения оправдались: в этой компании ее не желали видеть. Зря она пришла. От волнения у Евы туманилось в глазах, лица мальчишек, сидевших за столом, виделись расплывчатыми и похожими одно на другое, как откопированные. Борис представлял ей каждого присутствующего, но Ева едва его слышала и не запоминала имен. В какой-то момент раздался звонок домашнего телефона. Хозяин извинился перед всеми и вышел в коридор, вынужденно оставив соседку без поддержки, в центре комнаты как на сцене, под прицелом взглядов.

– Девушка, а вы к нам за персонажкой принцессы пожа-

ловали? – раздался насмешливый голос. Ева подняла глаза и увидела развернувшегося к ней вместе со стулом парня лет шестнадцати с широким ухмыляющимся ртом и нахальными темными глазами. – Увы, остались только хоббиты!

Кто-то захихикал. Ева вконец растерялась и не нашла, что ответить на реплику парня.

– Хотя, с таким именем вам не хоббитов играть, – продолжил задира и сделал театральную паузу. После чего, обращаясь к друзьям, торжественно объявил:

– Мужики, представляю вам новую игру «Изгнание из рая»! Персонажка Евы уже занята. Кто согласится стать Адамом? Я, чур, играю змея! Буду нашу Еву соблазнять.

Он снова сделал эффектную паузу, в которую раздались смешки. А затем, стрельнув в сторону девочки взглядом, насмешливо добавил:

– Яблоком, а не тем, чем вы могли подумать.

Грохнул смех, а на глаза Евы навернулись слезы. Она уже собралась развернуться и убежать, как вдруг кто-то спокойным, но властным тоном осадил ее обидчика:

– Уймись, остряк!

И словно по приказу смолкли, будто разом отсеченные, смешки. Ева подняла взгляд и увидела стоявшего у окна парня. Может, Борис и представлял гостье его среди остальных, но Ева не обратила на него внимания и от волнения, и потому, что молодой человек не сидел вместе со всеми за общим столом, а держался особняком. Хоть не заметить его было

сложно из-за ярко-алой толстовки и высокого роста. Парень стоял, небрежно привалившись к подоконнику, и смотрел на Еву спокойно, без любопытства, с долей сочувствия во взгляде, словно понимал, что она в этот момент могла чувствовать. Его поза – сложенные на груди руки, одна поверх другой, и повелительные нотки в голосе, когда он даже не попросил, а приказал задире замолчать, и то, что его послушали, без сомнений говорило о том, что этот парень в компании занимает лидерскую позицию. Ева невольно задержала на нем взгляд, со смущением отметив про себя, что он довольно симпатичный, и в качестве благодарности за заступничество кивнула.

– Ева, не обращай внимания на Вовку. Он такой – языкастый. А на самом деле добрый.

– Добрый, добрый, – торопливо закивал обидчик и растянул губы в широкой улыбке. – Только зря, Иван, просишь Еву не обращать на меня внимания! Я люблю, когда девушки наоборот, обращают.

– Не волнуйся, тебя заметили, – усмехнулся парень в толстовке и обратился к девочке:

– Располагайся, Ева. Будь, как дома.

Он жестом указал на ближайший к нему свободный стул, и Ева поняла, что ошиблась, приняв изначальную позу Ивана со сложенными на груди руками за «наполеоновскую». Просто оказалось, что он поддерживал правой рукой загипсованную левую. И это открытие вызвало у Евы неожиданный

прилив волнения, словно травма разом прибавила привлекательности парня очков. Ева с ее фантазией тут же вообразила, что Иван сломал руку в драке, защищая какую-нибудь девушку от хулиганов. Подобное предположение моментально возвело ее заступника в ранг героев, но при этом остро кольнуло неизвестным доселе чувством: предполагать, что твой рыцарь мог вступиться за другую девушку – это не столько, оказывается, романтично, сколько неприятно. Ева тут же мысленно поправилась, уже вообразив, что Иван увлекается экстремальными видами спорта. Ей нарисовался образ его, несущегося навстречу ветру на скейтборде, и дыхание перехватило от накатившего восторга и, одновременно, легкого страха, как если бы она сама летела на бешеной скорости на роликовой доске по крутой наклонной плоскости.

– Ева? – окликнул ее вдруг Иван. И девочка к своему стыду поняла, что продолжает стоять истуканом и молча таращиться на него уже, наверное, долгое время, по крайней мере достаточное для того, чтобы это стало заметно и вызвало новые осторожные смешки. Ева вспыхнула и неловко плюхнулась на стул, едва не промахнувшись мимо сиденья. Иван вскинул одну бровь, но промолчал. Еве же моментально захотелось умереть от позора, потому что ее собственные «акции привлекательности», и до этого невысокие, сокрушительно обрушились и ушли в минус. Но в этот момент в комнату вошел Борис, и Иван как ни в чем ни бывало занял свободное место за столом напротив Евы. Она же пред-

почла, чтобы он сел где-нибудь в сторонке, откуда бы не мог видеть ее раскрасневшегося до свекольного цвета лица. И не маячил у нее перед глазами. Иван, задумавшись над листочком, который ему протянул Борис, машинально взъерошил темные волосы, отчего показался Еве еще красивее. Она не встречала в своей жизни таких симпатичных парней, которые, к тому же, вставали бы на ее защиту и обращались к ней не по фамилии, а по имени. Ева едва дышала, боясь того, что Иван вновь посмотрит на нее, но одновременно и желая этого. И парень, словно услышав ее мысли, поднял глаза:

– Ева, ты знакома с ролевыми играми?

Но тут же повернулся к Борису:

– Долговязый, может, сам ей объяснишь? Она же твоя подруга.

«Я не его подруга!» – мысленно прокричала Ева, ужаснувшись тому, что Иван мог решить, будто она и Борис встречаются. Но сосед уже с энтузиазмом принялся рассказывать ей и остальным правила игры. Оказывается, Ева удачно попала на начало новой. Она слушала, пытаясь вникнуть в правила и понять, что от нее потребуется. Но мозг будто обернули ватой, мысли ворочались медленно, запутываясь в тончайших паутинках и умирая в них, так и не додуманные до конца. Голову словно кололо изнутри этими оборванными мыслями, но Ева никак не могла сосредоточиться. Ей было страшно только подумать, что мальчишки, а особенно Иван, сочтут ее отсталой. Поэтому она старалась, старалась изо всех

сил сконцентрироваться на инструкциях, так, что мысленное усилие наверняка отражалось на ее лице. Что лишь усугубляло ситуацию. Ничего нет хуже, чем пытаться выглядеть умной в ситуации, когда чувствуешь себя полной дурой! А все из-за Ивана, его раздражающе алой толстовки, которая мельтешила перед глазами ярким пятном. И его взгляда, который Ева случайно перехватила. Она начала злиться – на себя за свою нервозность, на мальчишек, которые то и дело косились на нее и ухмылялись, будто все понимали, на Бориса, из-за которого эта неловкая ситуация и случилась. Если бы не настойчивое приглашение соседа, сидела бы она сейчас дома, читала взятый у него накануне роман, и была бы счастлива в своем спокойствии! А то, что мать сегодня была особенно раздражительна, потому что у нее болели отекшие ноги, так Ева к этому уже привыкла.

– Ева, тебе все понятно? – спросил участливо Борис, сам того не зная, что, заострив на ней внимание, лишь все усугубил.

– Д-да. Да, все понятно, – выдавила девочка на удивление ровным голосом, глядя в листочек, который важно звался листом персонажа. Господи, она даже еще не вникла в то, кого ей предстоит играть. Хоббита? Орка? Да хоть гоблина! Ситуация все равно уже безнадежно испорчена.

– Да, Борис, все понятно, спасибо, – повторила Ева, собравшись с последними усилиями. И даже смело, с неким вызовом взглянула на соседа, при этом старательно избегая

взглядом Ивана, который, оказывается, уже успел снять толстовку. Видимо, ему стало жарко: батареи шпарили так, что впору бананы было выращивать. Но лучше бы уж он оставался в своем «плаще тореадора», потому что черная футболка с изображением известной рок-группы, музыкой которой Ева никогда не интересовалась, шла ему куда больше свободной одежды. Футболка с короткими рукавами обтягивала торс парня, и оказалось, что плечи у Ивана широкие и вовсе не щуплые, как у большинства мальчишек возраста Евы, а вполне даже мускулистые. Сколько ему лет? Шестнадцать? Может, он ходит в какую-то спортивную секцию, занимается борьбой или каратэ и травмировался на тренировке? Ева поймала себя на том, что уже довольно долго пялится на загипсованную до локтя руку парня и кусает губы, чтобы не спросить, что с ним случилось. К счастью, Иван в это время разговаривал с бледным щуплым пареньком рядом с собой и на Еву не обращал внимания. Зато на нее, оказывается, глядел с ехидной улыбкой ее обидчик. Ева сердито стрельнула взглядом на Владимира и вопросительно подняла брови, тот качнул головой и отвернулся. Ну и пусть! Ей бы только пережить сегодняшний вечер. А больше она сюда не придет.

Придет. Это Ева поняла в тот момент, когда два часа спустя Иван, прощаясь с нею в коридоре, спросил, понравилось ли ей играть и придет ли она еще. Ева кивнула и добавила:

– Да, понравилось. Борис…

– Мы все зовем его Долговязым, – с улыбкой перебил ее

парень. – И ему это нравится.

– Дол… Борис все здорово придумал!

– Да, он настоящий Мастер. Фантазия у него зашкаливает. Ну, я рад, что ты хорошо провела время. Значит, скоро снова встретимся, – с этими словами Иван неожиданно коснулся ее плеча. Всего лишь легкое касание, которым он желал ее приободрить, но смутившее и обрадовавшее Еву до свекольного румянца. Какой кошмар! Счастье, что в коридоре свет тусклый.

– Ты бы уж предложил девушке проводить ее, – не оставил без комментария подсмотренную сцену Владимир.

– Я… Я тут живу. Не нужно меня провожать, – пробормотала вконец смущенная Ева и торопливо распрощалась.

Она даже не заметила, как взлетела этажом выше. И только там, остановившись у своей двери, прикрыла глаза и выдохнула. Сердце стучало так, будто Ева пробежала на время стометровку. Она прислонилась к холодной стене и прислушалась к тому, что происходит внизу. Парни высыпали на площадку, но, к Евиному разочарованию, молча, стараясь не шуметь, стали торопливо спускаться. А ей хотелось еще раз на прощание тайком услышать голос Ивана.

Той ночью Ева долго не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок, сминая простынь, то порывисто садилась, то вновь падала в постель и, перевернувшись на живот, утыкалась лицом в подушку. То, что с ней происходило, никак не походило на пошловатые рассказы Ульяны о ее собственных лю-

бовных переживаниях. Подруга все сводила к физическим ощущениям и делилась интимными секретами без всякого стеснения. Ева же испытывала фейерверк из абсолютно противоположных эмоций: к искрящей радости примешивалась грусть, в бурной эйфории растворялся страх, ожидание чего-то неизведанного, волшебного заглушалось беспокойством по поводу того, что волшебство может не случиться. Ей одновременно хотелось плакать и смеяться. От бурлящего по венам адреналиновой рекой волнения лихорадило так, словно она заболевала гриппом. Ева то куталась в одеяло, то решительно его сбрасывала. Когда она закрывала глаза, то видела перед собой Ивана – со взъерошенными темными волосами и спокойным взглядом прищуренных глаз. Иван поселился в ее воспоминаниях, мечтах, надеждах сразу и бесповоротно. И не было спасения от этой обрушившейся на нее, как цунами, сокрушительной любви. Да Ева и не желала спасаться. Напротив, боялась того, что проснется и обнаружит, что в душе, как и раньше, пусто и скучно.

Не удивительно, что в ту ночь ей приснился Иван. Только во сне ему было не шестнадцать лет, а вдвое больше. Одет он был не в яркую толстовку и черные джинсы, а в серый костюм. И рука у него уже, конечно, зажила. «Вот мы и встретились снова, Ева», – сказал ей взрослый Иван. Но почему-то без улыбки.

Нет, ее влюбленность не растворилась, как Ева боялась, вместе с той ночью в рассвете. Напротив, эмоции на следую-

щий день оказались острее. Только она сама все испортила. Может, будь Ева не такой доверчивой и чистой, жившей в наивном заблуждении, что коварство и предательство существуют лишь на страницах книг, то не допустила бы страшной ошибки. В школе Ульяна спросила у нее, как прошел вечер в компании «светлых лютиков», и Ева, обидевшись за новых знакомых, эмоционально рассказала об игре. Только об Иване умолчала. Спрятала свой секрет, как сокровище, боясь, что Ульяна высмеет его, опошлит и тем самым обесценит. Ульяна же из упрямого желания доказать подруге, что та не права, и общество «эльфов» на самом деле скучно до зубного скрежета, напросилась в гости к Борису. А Ева не смогла придумать предлога для отказа.

Они пришли с опозданием по вине Ульяны. Дверь им открыл Борис, и Ева с неудовольствием заметила, как хорошенькое личико подруги на мгновение исказила гримаска разочарования. Видимо, Ульяна до последнего надеялась, что хозяин окажется привлекательным. Ева еще до этого успела пожалеть, что взяла с собой подругу. Но в тот момент, когда увидела гримаску, внезапно поняла, в какую опасность поставила свою новорожденную влюбленность, потому что привела с собой не подругу, а хищницу. Но было уже поздно. Ульяна эффектно вошла в комнату, в которой за столом собрались мальчишки, и произвела своим появлением фурор. На приход юной красавицы отреагировали совсем не так, как на первое появление Евы. Ребята оживились, засуетились,

заулыбались. Даже остряк Владимир на этот раз вместо колкостей отпустил несколько комплиментов. А зашедшую следом в комнату Еву почти никто не заметил. Только робкий мальчишка Виктор кивнул девочке в знак приветствия. Ева машинально ответила ему и с громко бьющимся сердцем поискала взглядом Ивана.

Он сидел в углу стола и смотрел на Ульяну – совсем не так, как в первый раз на Еву. Не было в его взгляде того уверенного спокойствия, покорившего тогда девушку, напротив, в его потемневших глазах просыпались сулившие катастрофу ураганы. Иван смотрел на Ульяну не с оценивающим, чуть снисходительным прищуром, а во все глаза, так, будто увидел что-то, поразившее его до глубины души. Его губы с запозданием тронула улыбка – не открытая и уверенная победителя по жизни, а смущенная и растерянная, которая сказала Еве куда больше, чем адресованный не ей взгляд Ивана. А затем, спохватившись, парень поспешно вскочил с места и предложил новой гостье свой стул. Ульяна улыбнулась молодому человеку так, что ни у кого не осталось сомнения, кого она выбрала себе в провожатые.

Ева могла бы больше не ходить на те вечера, чтобы не видеть вместе Ивана и Ульяну, сидевших рядом и соприкасавшихся плечами, не перехватывать случайно их улыбки, которыми они тайно обменивались, не страдать, видя, как Иван смотрит на ее подругу. И не задыхаться каждый раз от ревности и горя. Но она не могла. Иван стал для нее нар-

котиком, зависимость от которого она могла победить, только умерев. Они учились в разных школах, расположенных в противоположных концах района, поэтому единственной возможностью видеться с ним оставались эти вечера. Да еще игры позволяли Еве справиться с ее первым крахом. Ее настоящей жизнью становилась воображаемая, в которой девочка радовалась, сражалась, принимала верные решения, почти никогда не ошибаясь, и побеждала. Она оказалась отличным игроком, который мог играть любого персонажа и предложить нестандартные, порой очень неожиданные решения, которые только украшали игру. И за это ее ценили. Но когда заканчивался вечер и наставала пора возвращаться в обыденность, Ева снова становилась «невидимой». Ее переставали замечать, и если к ней и обращались, то только с короткими вопросами по теме. Мальчишки даже больше замечали другую девочку, появившуюся в компании уже после Ульяны – Евгению. Та оказалась с чудинкой, потому что часто говорила невпопад, без причины начинала хихикать, играла так, будто вещала со сцены и не всегда после окончания сессии могла сразу из воображаемого мира вернуться в реальность. Носила Евгения огромные круглые очки и заплетала жидкие волосы в две тощие косицы. Но Евгению тоже ценили за умение предлагать интересные ходы.

Ульяна же оказалась игроком никудышным. Персонажей она выбирала однотипных и действовала также – без вариаций и просто. Игра не поглощала ее, девочка сидела каж-

дый раз с выражением скуки на лице и периодически закатывала глаза к потолку, словно про себя удивляясь тому, что делает в этой компании и в этой комнате. Ходила она лишь из-за Ивана, это было всем и так ясно. Но Ульяна каждый раз старалась продемонстрировать, что они с Иваном вместе. Когда ей становилось особо скучно, она занимала себя тем, что начинала собственнически ерошить парню волосы, поглаживать его по забинтованной руке или класть свою ладонь ему на колено. Еву каждый раз действия Ульяны сбивали с ритма. Она никак не могла понять, как Иван терпит все это, ведь если бы кто-то постоянно растрепывал ей волосы или сжимал коленку, пусть и любимый человек, она бы долго не выдержала. Иван же сносил все молча. Только однажды, Ева заметила, чуть дернул раздраженно головой, когда Ульяна опять запустила пальцы ему в волосы, и предусмотрительно убрал со стола руку. У Евы это неожиданно вызвало улыбку.

С Ульяной, не смотря ни на что, она продолжала общаться в школе. Только разговоры девочек теперь были короткими и исключительно по учебе – отчасти потому, что Ева сама свела общение к минимуму из страха, что Ульяна по своей привычке начнет делиться с ней интимными подробностями своих отношений с Иваном. А отчасти потому, что у Ульяны уже не было времени и желания общаться с подругой.

За все то время Ева с Иваном обменялись вне игр лишь несколькими общими фразами. Однажды он все же попытался заговорить с ней о чем-то, но Ева ответила коротко и

нехотя, так, что парень тут же свернул разговор.

Но однажды случилось то, из-за чего Ева едва не прекратила приходить на собрания. В тот вечер не играли, а обсуждали за чаем новые идеи. Борис купил печенья, Ева – конфет, кто-то из ребят принес большую коробку пирожных. Однако разговор оказался таким увлекательным, что ни к пирожным, ни к конфетам почти не прикасались. Остывающий в чашках чай подергивался сероватой пленочкой, но никто не обращал на него внимание, даже Борис, обычно следивший за тем, чтобы гости не оставались голодными. Ева активно принимала участие в обсуждении. В тот вечер настал ее звездный час: предложения девочки принимали с шумным одобрением, и даже Иван, которому предстояло провести, как Мастеру, вместо Бориса следующую игру, пару раз отпустил в ее адрес похвальные реплики. В какой-то момент Ева, увлекшись, неловко взмахнула рукой и задела чашку. Содержимое выплеснулось на брюки сидевшей рядом Ульяны. Чай, к счастью, уже был остывшим, но подруга подняла такой визг, что присутствующие в шоке смолкли. Резко сдвинув стул, Ульяна вскочила из-за стола и принялась яростно отряхивать стремительно намокающие джинсы. Иван первым опомнился и бросился помогать девушке. Ева, увидев, что у него закончились салфетки, схватила со стола пачку и вскочила, чтобы подать ее Ивану. Но одновременно с этим Ульяна наклонилась, и две девушки нечаянно, но сильно стукнулись лбами.

– Ты совсем, что ли, дебилка?! – заорала Ульяна, схватившись за ушибленный лоб и гневно сверкая на подругу глазами.

Ева выронила салфетки и, пробормотав какие-то извинения, бросилась из комнаты. Убегая, она еще успела перехватить ошеломленный взгляд Ивана, которым он ее проводил.

Открыла дверь квартиры бабушка, которая приняла заплаканную внучку в объятия и, встревожено задавая вопросы, на которые не получала ответов, проводила Еву в комнату. К счастью, матери не оказалось дома, иначе бы шуму было куда больше.

– Не спрашивай, не спрашивай, не спрашивай, ба! – бормотала Ева, закрывая ладонями лицо.

– Что с тобой там сделали?! – не унималась бабушка, уже готовая бежать к соседу вниз и с боем вступаться за внучку.

– Ничего, ничего ба! Ничего не сделали!

– Кто-то из мальчишек тебя обидел?!

– Нет, нет. Подруга. Мы поссорились, – выдавила Ева.

– С Улькой, что ли? – с облегчением выдохнула бабушка. – Не велика беда! Гнать ее надо! Не нравится она мне. И не реви из-за нее! Нашла из-за кого – из-за Ульки этой! Дрянная девка, прости Господи…

– Ба, оставь меня одну, – простонала Ева, которой было совсем не до того, что думает бабушка об Ульяне. – Пожалуйста!

Бабушка сдалась, но только после того, как внучка еще

раз заверила ее в том, что никто из мальчишек не причинил ей вреда.

Ева рухнула на кровать и зарыдала в подушку. От стыда и унижения ей хотелось умереть. Она бы предпочла, чтобы ее обозвали нехорошими словами перед целой толпой людей, но только не перед Иваном. Погруженная в свои переживания, Ева не сразу услышала доносящиеся из коридора голоса. И только когда возле ее комнаты послышались шаги, прислушалась. После решительного стука в дверь в комнату заглянула бабушка:

– Ева, к тебе гость.

– Гость? – девочка рывком села на кровати и торопливо стерла слезы. В первый момент ей подумалось, что это Иван. Она запаниковала, потому что предстать перед ним в таком виде – с заплаканным лицом и опухшими глазами – ей вовсе не хотелось. Но не успела Ева что-либо ответить, как за спиной бабушки уже нарисовалась высокая фигура Бориса.

– Ева, пустишь? – спросил молодой человек. Девочка молча кивнула, и сосед вошел в комнату. Бабушка, прежде чем выйти, окинула подозрительным взглядом гостя, но затем деликатно прикрыла за собой дверь.

Испытывая заметную неловкость и словно не зная, с чего начать разговор, Борис с деланным интересом огляделся. Его взгляд скользнул по книжной полке, перебрал сложенные на письменном столе аккуратной стопкой тетради, а затем задержался на постере с известной рок-группой.

– Тебе нравится их музыка? Не знал, что у тебя такие музыкальные вкусы, – улыбнулся он. – Думал, ты выбираешь что помягче.

Ева смущенно потупила глаза. Меньше всего ей хотелось, чтобы сосед догадался, почему она стала слушать музыку этой группы, и что похожая фотография была на футболке Ивана в тот день, когда они познакомились. Но Борис больше не стал комментировать музыкальные пристрастия подруги. Спросив, можно ли присесть, он опустился на стоящий у стола стул.

– Не смертельно, Ева, – сказал молодой человек, глядя девочке в глаза.

– Что? – не поняла она.

– То, что случилось. Не смертельно. Ерунда, над которой потом еще сама и посмеешься.

Ева только дернула плечом. Ему не понять. В глазах Бориса происшествие выглядело досадной оплошностью с ее стороны. Для нее же обернулось катастрофой.

– Я больше не приду, – пробубнила она.

– А вот это зря! – покачал головой Борис и придвинулся со стулом ближе к девочке. – Зарывать такой талант, как у тебя, и лишать себя удовольствия из-за истерички…

– Ты не понимаешь! – вырвалось у нее.

– Понимаю, – ответил он с таким значением, что Ева внутренне похолодела. Неужели Борис догадался? Но она ведь все это время так тщательно старалась скрыть свои чувства

к Ивану от всех!

– Что ты понимаешь?

Они пасовали короткие вопросы-ответы, как мячик пинг-понга. Только для Евы этот диалог вовсе не казался игрой. Борис вместо ответа вздохнул, поднялся со стула и подошел к плакату. Те долгие моменты, что он, казалось, с интересом изучал постер, показались Еве мучительными. Наконец, Борис повернулся к ней и с легкой улыбкой произнес:

– В сказках как бывает – то Иван-Царевич, то Иван-дурак. Наш хоть и выглядит, как царевич, но ведет себя сейчас, как полный дурак. Согласна?

– Согласна, – неожиданно для себя улыбнулась Ева. Страх и неловкость как рукой сняли. Она поняла, что Борис полностью на ее стороне.

– Это… так заметно?.. Что я… Я старалась, чтобы нет, – косноязычно попыталась объяснить она ему то, что ни за что бы при других обстоятельствах не произнесла вслух.

– Не заметно. Но я понял, – ответил Борис и улыбнулся. – Мне по должности положено замечать и понимать. Я же вас всех старше и, стало быть, мудрее. Не переживай так из-за него, Ева.

– Не могу, – упрямо мотнула она головой. Какое это счастье, невероятное счастье – поговорить наконец-то с кем-то об Иване. Впервые за все это время ее раненое сердце перестало болеть – не потому, что излечилось, а лишь потому, что получило обезболивающее.

– Ты не представляешь, каково это – видеть их каждый раз вместе! Смотреть, как она к нему лезет, трогает… И как он… Даже противно! А наши ребята, я сама слышала, гадают, случилось ли у них «это» или еще нет, – Ева смутилась до краски, но уже не могла остановиться. Боль выходила из сердца вместе с горячими словами. И эти откровения приносили ей облегчение. Борис слушал Еву молча. Только его губы, и без того тонкие, сжались в какой-то момент в совсем узкую линию.

– Я понимаю, почему он выбрал ее, а не меня, – глухо проговорила в конце Ева. – Она красивая. Мне такой никогда не стать.

– И слава богу! – неожиданно вырвалось у Бориса. Увидев, как она удивленно вскинула на него взгляд, он тихо засмеялся. – Ева, какой ты все же еще ребенок…

– Я не ребенок! – выкрикнула она, внезапно разозлившись. – Вот и он посчитал меня маленькой! А это не так!

– Я не в смысле возраста, Ева. А в том, что ты иногда выдаешь такие наивные вещи. Ну зачем тебе быть, как Ульяна? Ты тоже, как и другие, думаешь, что она – бриллиант, потому что блестит? Но это не так. Да простит меня Ульяна, но она – недорогой и доступный фианит. Сверкает ярко, но дешево. А алмаз, пока незаметный – это ты. Ты очень красивая, Ева.

– Ты так считаешь? – с надеждой спросила девочка, и ее глаза заблестели от удовольствия и радости. Еще никто не говорил Еве, что она красивая.

– Да. Потому что так и есть. Ты еще расцветешь, когда придет время. А скороцветы и вянут быстро.

– Но Иван не станет дожидаться, когда я расцвету, – закручинилась Ева.

– Иван, увы, пока не умеет разбираться в людях. Надеюсь, со временем научится. Иначе нахлебается проблем.

– С Ульяной?

– Не только, – туманно ответил Борис.

– Что ты имеешь в виду? – встревожилась Ева. – Вернее, кого?

– Никого конкретного. Просто говорю, что Иван плохо разбирается в людях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.